WWW.STELLA-VERLAG.COM
STELLA
verlag

© Преображение. Литературный альманах современных авторов.

Германия: STELLA – 2020. – 145 с.

Выпущено Международной гильдией писателей
по итогам Питчинга в Израиле-2019 г.

Редактор-составитель: Л. Баумгартен.
© Дизайн: В. Цветков.
Все права защищены.

Verlag «STELLA»
Bundesstr. 52
72379 Hechingen
Deutschland
www.stella-verlag.com
Tel. +49 (0) 174 38 403 06
E-mail: tst1968@gmx.de
ISBN 978-3-95772-204-1

Verlag «STELLA»
Deutschland
2020

Преображение

Введение в книгу

Идет жизнь своим чередом. Скажем, не очень заметно, чтобы лучше, чем у других, но и отнюдь не хуже. Привычная круговерть дел, общений, разбавленная мечтами о свободном времяпровождении, и порою непонятное томление души в поисках дела для самовыражения.

Прежде на ум приходили сравнения с хрестоматийной белкой в колесе, ныне же – мысли о Колесе сансары, так называемом «колесе обусловленного существования».

Внешнее пространство нашей жизни есть собственное взаимодействие с окружающим миром. Ну, а во внутреннем – происходит взаимодействие с самим собой: со своими представлениями, мечтами, мыслями. Именно душа – суть внутренняя природа человека, с ее желанием непрерывного удовольствия, получаемого от бытия, вместо желания непрерывности работы. И она, чего греха таить, прежде всего, настроена на получение удовольствий в привычном урбанистическом комфорте с возможностями удовлетворять свои потребности, легкомысленно используя творческий потенциал не для реализации должного, нужного для увеличения добра на Земле. Человеком постоянно делается выбор работы для души: либо к созданию блага, либо к порождению зла. И по нему можно судить о мощности силы света в нем, которая пропорциональна количеству совершенного добра.

Разумеется, понимание необходимости трудиться есть. Хотя случись все это получить задаром, то, скорей всего, у иных смысл в трудовой деятельности пропал бы совсем. Только вот чаще наблюдается при поглощении комфорта и прочих благ излучение наружу негатива, недобрых чувств, мыслей.

Где же вибрация благости, любви? Ведь говорят, что в человеке, божьем создании, живет его Творец. Хм… И это в душах, наполненных гордыней, раздражением, ропотом и протестом, осуждением? Как среди всего этого находиться там Богу?

Право же душа должна жить в Боге! Только такой масштаб кажется уместным. Но для этого ей еще предстоит наладить гармонию в себе и вокруг, пройти путь очищения и преображения. И такое возможно лишь при внутренней работе с собой, когда осознанно выбирается духовное совершенствование, наработка сознания, и все – при наличие основных аспектов духовного развития – Веры, Познания, Творчества и Пути. Тогда становятся видны благоприятные изменения физического облика и души. А для человека неразумного остается лишь боль как единственное средство очищения и просветления души.

Духовность, познание и взаимодействие, находясь в гармонии, непременно приведут к духовному преображению человека, проявятся глубоким спокойствием, силой, уверенностью и мудрым восприятием событий жизни. И суть преображения – в проявлении подобия нашему Творцу!

Татьяна Кайзер

В этом тёмном мире считай истинным
только духовное богатство,
ибо оно никогда не обесценится.

Омар Хайям

Татьяна КАЙЗЕР

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕОБРАЖЕНИЯ

Любое путешествие – это возможность открытия, познания не только окружающего мира, но себя в первую очередь. Хорошо, когда такие подарки от жизни получаешь не только по прошествии лет на умудренную голову, но и в ранней юности, когда чистота восприятия еще не искажена привычками и установками, вера в добро социумом не деформирована, да желания познавать окружающий мир и людей оптимистичны и не нагружены меркантильностью.

Юная особа, неожиданно оказавшаяся не просто далеко от дома, а вообще на другом краю огромной страны, в другой среде, была удивлена и непохожим укладом жизни, и менталитетом, все еще неотнивелированным под единую советскую общность. Оказалось, что хорошие знания географии и истории советского государства отнюдь не выходили за рамки учебников, выстраивающих убеждения о братстве народов СССР.

Судьба словно наградила мою героиню за выпавшие на ее долю испытания. Трудно принимать первые жизненные уроки с должным пониманием. Особенно, когда реальность вступает в противоречие с привитыми книгами понятиями добра и зла, правда, находчиво подкорректированными атеистическим мировоззрением коммунистической системы. Ну а то, что положения Морального кодекса строителя коммунизма были заимствованы из Книги книг – было невдомек, потому как Библию обычно и в глаза не видели. Государство надежно защищало народ от раздумий о божественном мироустроении.

Лидия, успешно воспитанная государственной идеологией, была хорошей ученицей. Школа научила, что Бога нет, а вера в него – это удел темных, малограмотных бабок, пугающих сектантов и даже более того – дореволюционный пережиток.

Подрастающее поколение призывали смело отметать все старое, воспитывали фильмами про юных строителей социалистического общества, вступивших в борьбу с темными силами, мракобесием верующих. Во время уроков показываемые художественные фильмы, сродни «Тучам над Борском», оказывали очень сильное воздействие на взращиваемую убежденность. А еще немалый вклад вносила замечательная советская литература. Потому все были атеистами, верящими только в догмы родной страны.

Настоящая пионерка убежденно доказывала матери, какая это глупость верить в Бога, которого нет, и которого никто не видел. Как аргумент – уже и космонавты в космос летали, но никого там не обнаружили. Именно тогда проявилось в юной просветительнице одно из харизматических качеств – энергичная сила убеждения. Мать, достаточно побывавшая в жерновах жизненных обстоятельств, чудовищно кореживших жизнь ее и родни, с началом войны оказавшихся изгоями в родной стране, депортированными с родных приволжских мест, старалась как можно дольше удержать ребенка в неведении собственной истории семьи, чтобы росла в доверии к идеологии и политике Родины. И потому соглашалась всегда с убеждениями дочери, глубоко упрятав ростки впитанной с молоком матери христианской веры, впрочем, так и не заколосившиеся среди тоталитарного атеизма.

Юность героини пришлась на удивительное время романтиков. Бардовские песни, поездки за туманами, новизна открытий окружающего мира, оптимизм ожидания скорого светлого будущего, отнюдь не омраченный споро заглушаемой информацией о Пражской весне. А еще это было время, свободное от нынешних компьютеров, смартфонов, планшетов, когда чтение книг прививалось, культивировалось и, можно сказать, было поголовным. Лидия читала запоем русскую и зарубежную классику, переживала вместе с любимыми героями, постигала науку взаимоотношений. Вознесенский и Асадов оспаривали ее внимание у поэтов пушкинской поры.

И она, конечно же, не могла не писать лирические стихи.

Студенчество. Первая любовь. Запомнившееся первым поцелуем свидание. Взросление. Выпавшее первое испытание.

Второй институтский год, начавшийся хлопковой эпопеей в их республике, стоил Лидии нервов, здоровья и последовавшего отчисления. Потому как, в первые же дни на уборке хлопка случилось попасть с гастритом в колхозную больницу. Врач там не часто появлялся, особенно трезвым, зато очень назойливые медбратья редко оставляли единственную больную в палате без шпингалетов и занавесей на окнах, в которые постоянно глазели любопытные сельские парни.

О чем в городе знала понаслышке, здесь обернулось уродливой действительностью. Тридцатилетнему медбрату невмоготу было оставаться холостяком, но его зарплата еще шла в погашение калыма за жену старшего брата, хотя и обремененную уже кучей детишек. А тут с залетевшей городской птичкой, за которую и платить-то не надо ее родителям, не признававшим такой обычай, замаячила вероятность долгожданной женитьбы. На счастье приболевшей студентки появились две медсестры-практикантки, сами державшие «оборону». Они стали забирать ее к себе на ночевку. Много позже судьба свела еще раз с этими девушками, заметно изменившимися пережитым, когда пришлось однажды просидеть всю ночь под столом у окна – единственно укромном месте в просматриваемой как на ладони комнате. К ним тогда ломились пьяные, заехавшие в колхоз наемные работяги, побившие стекла и истыкавшие ножами дверь и оказавшийся на счастье достаточно прочным для укрытия стол.

Ну а Лидии недельное пребывание в больнице, по правде говоря, мало что дало, если не добавило нервного напряжения. Институтское начальство, отвечавшее за плановый сбор хлопка, вызвало «на ковер» для объяснения, где это ночами «шляется больная симулянка». Тут-то впервые и пошатнулись вера в мудрость педагогов, руководителей, уважение к старшим. Пьяные до неприличия, декан, парторг, преподаватели и аспи-

ранты были в приятном возбуждении от участия в подобной моральной экзекуции. Растерянность от грязных унизительных слов, липких взглядов, слезы отчаянной обиды не дали возможности ответить что-нибудь в оправдание. Мужчины же в молчании увидели непристойную женскую гордыню, раздражавшую их. Возможно, будь она титульной национальности, подобного не произошло бы. Где-то за пару десятков лет до развала огромной социалистической страны прозвучали уже слова о том, что места национальных кадров в вузах только занимают ей подобные. Для юной девушки это стало невообразимой шоковой терапией: оказаться беззащитной перед бескультурьем, злом, грубостью, бранными словами в свой адрес. Тяжело было осознавать, насколько чудовищно далека реальность от впитанного книжного разумного, доброго, светлого и надежного.

Вид растерянного, словно потерявшего ориентиры, ребенка, желание как-то оградить, уберечь от депрессии, убедили мать согласиться на поездку дочери за три девять земель, на другой конец тогда еще огромной страны, к подруге, знакомой только по переписке. Там, в Литве, в мире, мало похожем на их азиатский, беглянка словно сбросила начавший сдавливать костяной панцирь обстоятельств. Радушная подруга с удовольствием знакомила с Вильнюсом, водила по художественным галереям, выставкам, концертам и костелам, где гостье открылось ошеломляющее звучание органа, до того знакомого только по записям на пластинках из ее коллекции, а тут неожиданно до краев наполнившего благодатью испуганную, трепещущую душу. Днями позже, попав в костел Петра и Павла, знаменитую «жемчужину барокко», Лидия была потрясена великолепием тысячи фигурных композиций, горельефов и статуй из белоснежного мрамора. Ей прежде не доводилось бывать в храмах, если не считать любопытствующего раза, когда заглянула в двери маленькой кладбищенской церкви, единственной на ту пору в их южном городе. А тут среди сотен аллего-

рических и мифологических персонажей увидела совершенно неведомые библейские образы.

Как вкопанная стояла она один на один с доселе неведомым миром. И маленькие группки туристов, прихожане ничуть не мешали. Когда же приблизилась к статуе Девы Марии, замерла, увидев на ее щеке жемчужной слезой блик света. Почувствовала, как внутри что-то затрепетало и изменило дыхание, наполняя неизведанным ранее благоговением, будто воздухом, от избытка которого либо просто лопнет грудная клетка, либо сама воспарит воздушным шаром. И тут вдруг ощутила, словно из затылка пробка какая-то вылетела, и с ней вырвалось молитвенное обращение: «Господи!» Никаких молитв не знала. Но слова полились: «Господи, только, чтобы мама всегда оставалась рядом со мной. Если надо, возьми время для нее из моих лет жизни!»

Неужто к Господу привел страх? Видимо, как и многих. Страх остаться без матери, незащищенной от столкновений со стрессовыми реалиями жизни. Подобного желания молитвы раньше не возникало. Информация о духовных исканиях, поисках смысла жизни из прочитанной классики, фильмов еще не находила подобия в непробудившейся душе, добротно укутанной безверием. Теперь же Лидия словно нашла главную точку опоры для своей очнувшейся души. Судя по всему, с освобождением от пут атеизма и началось расширение сознания – процесс, открывший свободу для духа и его развития, для восприятия истинно высших ценностей.

У каждого есть свой опыт переживания Бога, опыт своего религиозного преображения – обращения в веру, когда заученные постулаты из прежней жизни, навязанная атеистическая идеология, осыпаясь, обнажают дремавшую душу, чтобы напомнить ей об особом состоянии – стремлении к связи с духом.

«Не было бы счастья, да несчастье помогло» – понимание этой народной мудрости всегда в помощь. Подумать только,

ведь все могло оставаться прежним: те же идеологический мусор с навязанными стереотипами мышления и юношеский максимализм в отстаивании убежденности в правоте. В жизненном багаже еще не накопились знания, что случайных встреч не бывает, что провидение специально сталкивает с теми людьми, которые выказывают по отношению к нам грубость и бессердечие, для того чтобы нам самим обратить внимание на собственное несовершенство. Потому как зацепки за выбранные идеалы и желание, чтобы мир подстраивался под них, создают в душе претензии к другим людям, к окружающему миру. И чем крепче держимся за идеалы красоты, счастья, высоких чувств, за установки неосознаваемого, по сути, великодержавного шовинизма, тем тяжелее потом соглашаться с их разрушением. Такое не может оставаться безнаказанным. И тогда отрывают нас от них для нашей же пользы, очищения, и чтобы мы встали на свой истинный путь развития, духовного роста, меняя, прежде всего, себя, свой характер, совершенствуя свою душу, принимая на себя ответственность за все, что в ней происходит. Все закономерно в этом мире, и происходящее с нами было, есть и будет для научения, во благо.

И Лидия стала меняться. Ее идеалы не исчезли, но понимание насколько многое не безупречно в жизни, стало делать ее терпимей к несовершенствам других, напоминая и о собственном. Вовсе не значит, что она перестала наступать на уже знакомые «грабли»: перечить, возмущаться творящейся несправедливостью, быть категоричной и требовательной. Однако училась принимать с благодарностью все происходящее, накапливать энергию любви. И эти старания действовать по совести формировали внутренний самоконтроль, нравственность. В жизни предстоит еще множество уроков. Надо только понимать их неизбежность и стремиться образовывать свою душу, а не лишь преумножать интеллект. Краеугольным же камнем должно стать пребывание в радости и добром отношении к

миру и окружающим, потому что узнан тот, Единственный, – опора и защита.

А люди вокруг тоже стали меняться. Те же, которые не были готовы к совместным изменениям, стали уходить из ее жизни. Появились новые друзья, теперь уже в московском институте.

Много новых храмов – мест для медитации души открыла моя героиня: ставшие любимыми костел Святой Анны и костел Ворота Зари в Вильнюсе, Домский Собор в Риге, Храм Спаса на крови в Питере, Троицко-Сергиевская лавра в Сергиевом посаде, Собор Святого Юра во Львове. А когда распалась могучая держава, и Судьба выписала новую путеводную карту в Европу, началась уже другая история…

Невозможно преобразить жизнь за один день!
Ее изменение – это процесс,
который предстоит пройти этап за этапом

1 этап «Озарение»

Однажды возникает событие, заметное или не очень, которое нарушает нашу привычную жизнь, заставляет почувствовать пока еще неясную неудовлетворенность ею. Окружающая реальность будто бы сообщает нам: пора задуматься о том, как изменить свою жизнь или себя в ней.

Желание перемен, как правило, возникает внезапно. Сначала происходит нечто, что заставляет нас остановиться, выйти из будничной суеты и спросить себя: «И это моя жизнь? Она теперь всегда будет такой?» Неизменное раздражение, снижение самооценки, сравнение себя с другими (не в свою пользу), встреча с человеком, который разбередил душу, одновременно вызвав неудовольствие и в то же время интерес, поскольку мыслит и живет совсем иначе… В такие моменты мы подходим к осознанию: чтобы стать собой, нужно измениться.

2 этап «Сомнение»

Неуверенность испытывает на прочность наше желание измениться, утверждает нас в этом порыве или же сводит его на нет. Период сомнений – хорошая возможность взвесить все «за» и «против», проверить ценность наших новых идей. «Да,

но…»; «А что если у меня ничего не получится?»; «Что скажут друзья?»; «Я стану счастливее?» – стоит нам решиться что-то изменить в своей жизни, как тут же возникают вопросы, которые заставляют усомниться в себе и своих планах.

И все же сомнения необходимы: благодаря им у нас появляется время осознать – насколько глубоко наше желание. Сомнения дают возможность взвесить все «за» и «против» и сделать выбор осознанно. Неуверенность не лишает нас свободы, она, скорее, побуждает нас воспользоваться ею осмысленно и полностью.

Но у сомнений есть и обратная сторона. Если мы слишком долго сомневаемся, то перестаем действовать и возвращаемся в начальную точку, в точку отрицания. Выход – ограничить время сомнений, спросив себя: «Чего я жду от перемен? Понимаю ли я, что нельзя измениться в мгновение ока, что мне предстоит не один чудодейственный поступок, а множество попыток, усилий и, возможно, промахов на пути к цели?..

3 этап «Сопротивление»

На смену неуверенности приходят мысли: «Я не смогу», «У меня не получится». Что это – бунт на корабле? Нет. Такие мысли являются защитными фильтрами, через которые мы смотрим на ситуацию. Они включаются автоматически и ограничивают нас, хотя зачастую звучат вполне разумно. Единственный способ измениться – знать свои фильтры.

4 этап «Реализация замыслов»

Процесс изменения себя – это серия небольших конкретных шагов к намеченной цели. Первый шаг сделан – вы осознали необходимость перемен. Что дальше?

Спросите у себя: «Как я к себе отношусь?» Если вы считаете, что вы в общем и целом хороший человек, то это поможет двигаться к цели более интенсивно и эффективно. Вот почему так важно научиться относиться к себе доброжелательно.

И еще! Важно понимать, что широкие жесты и чрезмерная активность не всегда подтверждают то, что перемены начались. Настоящие перемены проявляются, скорее, в самых будничных действиях: это минуты, которые мы потратим на то, чтобы подумать о себе, поговорить с близкими, помочь коллеге или поблагодарить соседа…

Действовать в повседневной жизни в новом направлении, которое мы себе наметили, – вот лучшее средство для самых глубоких изменений. Тем более что наш мозг не может забыть прежние схемы поведения – он в состоянии только усвоить новые, которые придут на смену старым.

Ну и конечно, кроме терпения и решимости на пути внутреннего преображения нам поможет доброжелательность. Отмечайте каждый сделанный вами шаг, не ориентируясь на внешний его эффект. Хвалите себя. Не впадайте в перфекционизм и не спешите преображаться – дайте себе время.

Илья ЛИРУЖ

И ТОЛЬКО СЛОВО УБЕГАЕТ ТЛЕНЬЯ

Венок сонетов

1

Язык не закрепляет бойкий вздор,
Отточенность его нам много объясняет –
И если страстью вспыхивает взор,
То он же добротой сияет.

Пусть плоти мы услуживаем всласть,
Но это не служение, а служба –
И если душу обжигает страсть,
То согревают доброта и дружба,

Все больше в сердце пепла и углей,
Пылаем мы все реже, а не чаще.
И если годы, полные страстей,
Уходят – доброта непреходяща...

Еще нас ослепляет нагота,
Но жизнь нам освещает доброта.

2

Что наша жизнь без грана доброты!
Мы совершаем грустные поступки.
То ложь не отличим от правоты,
То, видя ложь, – ей делаем уступки.

Мы часто перед сильным выю гнем,
Мстя слабому: пред ним жестоковыйны.
И страшно думать: мы его распнем
Толпой – когда распять прикажет сильный.

Мы слепы, но горды, справляя в суете
Свой потный грех, доверясь осязанью.
И страшно прозревать в кромешной темноте.
И страшно на себе в минуту осознанья

Не ощутить ничей сочувствующий взор.
Как самому с собой свой пережить позор?!

3

Как самому с собой свой пережить позор?
В кромешной темноте едва мерцают тени
Бесплодных замыслов. Причудливый узор,
Невоплощенный мир духовных откровений.

Когда, в какой момент, в какой несчастный день
Мы отдаем себя вещественности тленья,
Покинув первую, ничтожную ступень
Духовности, нам данной от рожденья.

Чтоб у подножья лестницы души,
Несущей ввысь крутые очертанья,
До тризны собственной всю жизнь в себе глушить
Призывный крик – к кому? – безмолвного отчаянья.

Как рыбы на песке, мы разеваем рты
В конвульсиях духовной немоты.

4

Конвульсии духовной немоты
Являются ль предвестьем пароксизма,
Когда почудится: они не так круты –
Ступени, нас ведущие от тризны.

Карабкаясь из всех душевных сил,
Какую страшную мы делаем работу,

Пока из глотки, гной и кровь смесив,
Наш первый хрип прорвется сквозь мокроту.

И обессиленно, на ближних ступенях
Мы болью изойдем, обрезав пуповину,
И гниль с души отхаркиваем в прах,
Страшась не выкричать хотя бы половину.

Пусть это не конец – все повторится снова,
Но пароксизм души да разрешится словом.

5

Но пароксизм души да разрешится словом!
Из праха сотворен – вновь обратится в прах.
Все поглотит земля – она первооснова,
Она же и финал. Кому неведом страх

Исчезновенья. Кто пред ним достоин?
Прелестна женщина – где прелести ее,
Где покоренный ею воин? –
Равно в земле подвязка и копье.

Князь и его клеврет – равно в могиле оба.
Истлели хижины, бесследно после них
Исчезли города. В веках кладут во гробы
Великих – и чредой за ними – малых сих.

Так поколения сменяют поколенья,
И только слово убегает тленья.

6

И только Слово убегает тленья –
Вневременна его мистическая власть.
Сквозь поколения проходят светотенью
Высокая любовь и низменная страсть,

Добро и зло, призванье, отторженье,
Счастливый сон или ночной кошмар,
Презренный факт, игры воображенья
Божественный неповторимый дар,

И слезы старости, и звонкий смех младенца.
Хвала и клевета, участье и корысть,
И безрассудность чувств неопытного сердца,
И хладного ума расчетливая мысль –

Все в этом мире выражено словом –
Неизреченное сокрыто под покровом.

7

Неизреченное сокрыто под покровом –
Таинственна его космическая суть.
В глубины призрачные знанья внеземного
Не многие из нас сумеют заглянуть.

На верхних ступенях, где лестница спиральна,
Лист Мебиуса прям, и время не бежит,
Где можно понимать, что – мудро и печально –
Мурлычет старый сфинкс подножью пирамид,

Где памятью времен наполнен звездный ветер,
Бездонность глубины – с бездонностью высот
Сопряжены, и где – освобожден и светел –
Неизреченное наш дух осознает –

Лишь там приемлем мы без страха и сомненья,
Что отторгает мысль по логике мышленья.

8

Что отторгает мысль по логике мышленья! –
Как трудно постигать неразвитой душой

Погрязшим в бытие почти без сожаленья –
Как долго нам идти по лестнице крутой,

Как странно нам внимать звучанию эфира,
Как страшно нам дышать разреженностью сфер,
Как далеки от нас Учителя Памира
И провозвестники любой из наших вер.

Не логикой ума, но вспышкой вдохновенья
Способен человек проникнуть за предел,
Назначенный ему Творцом от сотворенья –
И тем преодолеть ничтожный свой удел.

Мы вправе полагать себя венцом творенья
Лишь в краткие минуты вдохновенья.

9

Лишь в краткие минуты вдохновенья
Способен человек подняться до Творца
И от слепой толпы не жаждать поклоненья
И ни лаврового венца.

Но может быть, когда минуты эти
Придут к тебе не раз или не два,
И ты сумеешь подобрать в сонете
Ложащиеся на сердце слова –

Когда-нибудь на твой могильный камень,
Который, как и ты, был одинок –
Но кто-то благодарными руками
Положит свежий палевый цветок.

И это все, что человеку надо:
Из всех наград – достойная награда.

10

Из всех наград – достойная награда...
А если кто-то из слепой толпы,
Хоть кто-нибудь к тебе пробьется взглядом
Сочувствия, а может быть, мольбы –

Хоть кто-нибудь, с душой слабее тени...
Ты – сильный духом – сердце отвори
И с тем вторым – пусть через все ступени –
Найди слова и сам заговори.

Пусть самому себе ты жалок и противен
И знаешь о себе, что сам – лишь прах и сор,
Но, выйдя из толпы, ты стал оттуда виден,
И потому ты – Бог, что означает – добр.

Из тех, кто выбрал путь высокого боренья.
Блажен лишь тот, в ком нет ожесточенья.

11

Блажен лишь тот, в ком нет ожесточенья,
Кто принял мир таким, каков он есть.
И путь его – высокого боренья
С самим собой – тебе Благая Весть.

Нить Ариадны в долгом лабиринте
Земных страстей – неоценимый дар.
Но вновь и вновь произойдет соитье
Быка и человека. Минотавр –

Вот символ – греками угаданный – породы:
Не богочеловек, а человекобык.
Из шкуры вылезти – мучительные роды,
Пока сквозь морду не проступит лик,

Как пробивается луч света сквозь ограду...
Кого винить – ты сам себе преграда.

12

Кого винить – ты сам себе преграда
На избранном тобой единственном пути.
И женщина твоя – ей так немного надо –
Увы, она права в желании уйти.

Ты говоришь себе: как может быть иначе –
И вспарываешь жизнь – как брюхо рогом – лбом.
Но женщина твоя опять сегодня плачет –
Ты снова позабыл, что есть она и дом...

Набыченный и злой, ты стынешь у порога,
Упершись взглядом в пол, чтобы не видеть слез.
И слышишь лишь одно – тебя зовет дорога
В высокий мир твоих безумных грез.

Что – женщина! Ты – монстр. Из глотки рвется рык.
Ты – минотавр, ты – человекобык!

13

Ты – монстр, ты – Минотавр, ты – человекобык,
Ты груб и ты силен, и можешь жить на свете.
Но счастлив ты лишь тем, что дан тебе язык –
Живую душу выплеснуть в сонете.

Твой путь еще далек, ступени высоки,
В душе еще тоска, и сумерки, и тени.
И счастлив ты лишь тем, что женщина руки
Не отняла в минуту сожалений.

И если ты устал и хочешь заглушить –
Хотя бы водкой – страх, что обречен от века,

Ты счастлив тем одним, что доброту души
Наследовал от Богочеловека.

Еще не человек, а человекобык...
Но вот сквозь морду проступает – лик...

14

Язык не закрепит пустого вздора –
Что наша жизнь без грана доброты!
Наедине с собой не пережить позора
Духовной немоты.

Томление души да разрешится словом –
Одно лишь слово убегает тленья.
Неизречённое сокрыто под покровом,
Отторгнутое логикой мышленья.

И так редки минуты вдохновенья,
В которых смысл и высшая награда
Существования. К чему ожесточенье,
Кого винить! – В тебе самом преграда:

Ты – Минотавр, ты – человекобык –
Едва-едва просвечивает лик...

КАК СТАТЬ ДОБРЕЕ

Важно понимать, что в каждом человеке присутствуют те или иные деструктивные программы, и часто не мы сами их устанавливаем – мы несем на себе отпечаток нашего окружения и социума вкупе, но при этом душа у земных людей все-таки остается прекрасной. Вот почему так важно научиться общаться с людьми на уровне душ, а не ума, социальных условностей или их программ. Осознание и понимание этого факта приносит расслабление, а расслабление успокаивает, вот тогда-то мы и становимся добрее.

А что же далее! А далее по пунктам:

Служение людям. Начинайте жить не для себя, а для других. Только так вы станете добрее. Но будьте искренни. Сложно? Начните с близких. Проявите о них заботу. Представьте, что они всего лишь дети, даже если это ваши родители. Попытка – не пытка, а ваши отношения безусловно изменятся. Это очень эффективная практика, чтобы стать добрее. Получилось? Начинайте заботиться об окружающих. Представьте, что все люди, включая директоров и президентов, – ваши дети. Принимайтесь заботиться обо всех, и ваша жизнь наполнится не только добротой, но и чувствами счастья, радости. А кроме того, люди сами начнут заботиться о вас.

Отсутствие выгоды. Если же вы хотите стать добрым, чтобы получить выгоду, то это обман. На уровне подсознания люди обязательно его распознают, и тогда ваши отношения могут завершиться крахом.

Любите себя. Со всеми своими недостатками. Если вы не любите себя, вы не можете любить других по-настоящему. Где нет любви, там нет доброты. Учитесь любить себя и принимать таким, какой вы есть.

Меняйте мышление. Если у вас появляются не очень хорошие мысли или чувства, начинайте наблюдать за ними – откуда они возникают. Чем раньше вы будете улавливать момент появления таких мыслей и ощущений, тем быстрее они вас покинут.

Сконцентрируйтесь на доброте. Когда вы часто будете сосредотачиваться именно на доброте, это начнёт входить в вашу жизнь. Ваши нейронные связи начнут переписываться, и вы станете добрым человеком. А еще возьмите за правило каждый день совершать доброе дело. Чем больше добрых дел, тем больше будет накапливаться ваше благочестие, а благочестие прямым образом влияет на судьбу. Чем существеннее накоплено благочестия, тем счастливее судьба. При этом проявляйте доброту ко всем, а не только к хорошим или нуждающимся. Это позволит вам выйти на совершенно новый уровень восприятия действительности.

Никого не судите. Избавляйтесь от любого осуждения. Не судите, да не судимы будете. Осуждение убивает доброту.

Учитесь быть оптимистом. Если бы вы знали, что стоит за каждым неприятным событием, вы бы никогда не расстраивались, а наоборот ждали неприятных событий для проработки ситуаций и укрепления своего духа.

Когда настаёт неприятная ситуация, есть шанс понять причину проблемы и через осознание искоренить неприятности подобного плана из вашей жизни. При этом душа получит ценный опыт, а дух приобретет больше силы. К тому же при правильной проработке такого события человек получает дополнительную энергию для своей жизни. А вот если ситуация не была переосмыслена, то она будет повторяться вновь и вновь, пока не будет вами осознана. Поэтому учитесь оптимистично принимать всё в своей жизни.

Меняйте окружение. Пересмотрите всех тех, кто вас окружает. Следует избегать злых и сильно заумных людей, тех, с кем некомфортно. Знакомьтесь с добрыми и приятными, как только смените своё окружение, вы обязательно станете более добрым человеком.

Добра вам и света в вашу жизнь!

Добром добро оплатишь – молодец;
На зло добром ответишь – ты мудрец.

Омар Хайям

Роман КАМБУРГ

СЫН РЕЙХСФЮРЕРА ЭС-ЭС

1

Генрих «прилип» к иллюминатору самолёта. Боинг авиакомпании «Люфтганза» плавно снижался над Средиземным морем. Генрих никогда не отличался сентиментальностью, но сейчас волнение захлестывало его. Он смотрел вниз, на море изумрудного цвета с белыми кружевами волн. Думал, что если бы умел сносно рисовать, то рисовал бы разные моря с высоты снижающегося самолёта.

Вдруг появилась земля, узкая полоска жёлтого, как солнце, песка, и сразу же – высотные дома. Море домов. Это были кварталы Тель-Авива. Снова волнение охватило Генриха, когда в аэропорту израильтянка в пограничной форме проверяла его паспорт. Она посмотрела на его лицо, потом на фото в паспорте, и с большим равнодушием поставила печать. Сказала по-английски: «Добро пожаловать», а он ответил на иврите: «Спасибо».

Его номер располагался на шестнадцатом этаже. Перед тем, как снять дорожную одежду, Генрих раздвинул шторы, и море распахнулось перед ним до самого горизонта. «Какая красота!» – вырвалось у него. С минуту стоял заворожённый, а потом начал обследовать номер и распаковывать чемодан. При входе в номер, рядом со стенным шкафом, висело зеркало. Он посмотрел на себя, семидесятидвухлетнего, отметил, что выглядит хорошо даже после перелёта. Седые волосы ежиком, стрижка безукоризненная, гладко выбрит, и белая рубашка почти не помялась. Генрих любит белую одежду. Он заглянул в свою записную книжку. Назавтра у него посещение музея «Яд Вашем».

С утра он заказал такси, и вот уже едет по Тель-Авиву, называемому «Город без перерыва», город постоянно развлекающийся, постоянно кипящий деятельностью. Он видит за окном

ряды кафе и ресторанчиков, людей всех цветов кожи. Опустил стекло и вдыхает горячий воздух, и слышит смесь незнакомых языков. Всё яркое, цветное, немного театральное. Наконец, поворот, и Тель-Авив внезапно кончился, такси понеслось к Иерусалиму.

Генрих наслаждается видами: виноградники, как на Рейне или Мозеле, леса, как в Шварцвальде, и горы, чуть напоминающие ему Тироль. Они въехали в Иерусалим, и уже дома из белого иерусалимского камня окружили их. Такси затормозило, и шофёр что-то сказал на иврите, из чего Генрих понял только слово «Яд Вашем». Он вышел в сухой и горячий иерусалимский воздух. Сколько раз он рассматривал это место в интернете, мечтал посетить его. Наконец, он здесь. До полудня ходил по залам, возвращался несколько раз, в конце концов, еле живой от усталости, попал в небольшую комнату при выходе. Там на столе лежала исписанная разными языками книга. Генрих нагнулся и начал писать свои ощущения. Писал долго. Сзади уже в нетерпении ждали люди. Он закончил и внизу приписал: «Генрих Шредер, сын бывшего рейхсфюрера эс-эс...», и дата.

2

Сзади внезапно крикнули по-немецки: «Стой!» Генрих обернулся. Мужчина лет пятидесяти тащил какого-то старика в сторону Генриха. Они приблизились, и мужчина приподнял морщинистую руку старца. Этот человек не кричал, он орал:

– Посмотри, нацист! Немецкая собака! Кусок говна!

Сильный удар в челюсть повалил Генриха на землю. В ту долю секунды он успел увидеть перекошенное злобой лицо мужчины и татуировку номера на предплечье старца. Через короткое время Генрих пришел в себя, начал подниматься, встал на колени, чувствуя, что гудит, кружится голова, болит всё лицо, жжёт бровь. Горяче-липкой стала его белая рубашка на груди. Вокруг были люди. Две женщины помогли Генриху подняться с коленей. А ноги дрожали, не слушались. Женщины проводи-

ли его в туалет. Там он умывался, отряхивался, приходил в себя. Но по-настоящему пришел в себя только в машине.

Он вдруг увидел вокруг себя не белый Иерусалим, а цветастый Тель-Авив. Таксист остановил машину напротив гостиницы. Генрих достал бумажник, спросил, сколько стоил проезд. Водитель ответил, что за Генриха заплатили, и он не должен ничего. Наконец Генрих оказался в своем номере и первым делом подошёл к зеркалу. «Боже!» – вскрикнул он, увидев своё разбитое лицо, рассечённую бровь, надувшуюся нижнюю губу. Наложил пластырь и лёд из мини-бара. Сменил рубашку. Сел в кресло. Почему-то после «Яд-Вашем» ему захотелось увидеть те события в интернете. Он ввел в Гугл слово «Освенцим» и стал рассматривать картины людей, скелетов, частью еще живых, частью уже мёртвых. После этого ужаса он вдруг понял, что тот мужчина из «Яд-Вашем», прочитав, кто такой Генрих, должен был бы его бить долго, методично, переломать ему рёбра, руки, ноги, а он ограничился только одним ударом, женщины же помогли Генриху и даже заплатили за проезд. От смеси чувств, усталости и боли он пошёл в постель и уснул почти мгновенно.

Назавтра у него была запланирована встреча с администрацией одной из тель-авивских больниц. Но Генрих не чувствовал себя готовым к встрече, с трудом перенёс её на следующий день и пошёл пешком путешествовать по Тель-Авиву. Он пошёл на рынок «Кармель», где в разноцветье фруктов и овощей, зелени, рыбы, сыров, халвы, восточных сладостей забыл на время о своем вчерашнем происшествии. Продавцы улыбались ему. Зазывали попробовать. Он покупал и покупал, уже еле нёс свои покупки, но был счастлив по-настоящему.

3

В директорском кабинете собрались десять человек, Генрих, два представителя немецкого посольства, директор больницы и администрация. Директор представил Генриха. Тот встал и рассказал немного о себе, потом о чувстве вины и раскаяния

всех немцев, и его самого в том числе. В заключение он сказал о своём решении жертвовать больнице каждый год солидную сумму денег. Представители больницы восприняли это с восторгом, финансовое положение её в последний год было достаточно шатким. А директор решил патетически завершить короткое совещание и рассыпался в благодарностях:

– Имя нашего немецкого друга будет навсегда выгравировано на табличке жертвователей больницы!

Все присутствующие заговорили, послышался смех, приготовились разойтись. Но Генрих неожиданно поднялся и сказал:

– Перед тем, как передать деньги, я хочу напомнить вам только один факт – я сын бывшего рейхсфюрера эс-эс. И моё единственное условие состоит в том, чтобы это было указано на табличке при входе в больницу.

Гробовое молчание воцарилось в кабинете. Директор встал и официальным тоном провозгласил:

– Господин Шредер, тема очень чувствительна для всех нас, израильтян, поэтому сейчас мы не сможем ответить на вашу просьбу. Я обещаю послать письмо в министерство сегодня же. В ближайшее время вы получите ответ.

Через полтора месяца, в своей квартире в Гамбурге, Генрих открывал конверт с израильскими марками. Письмо было по-немецки. Как все немцы, он сразу же заглянул в конец. Последнее предложение заканчивалось так: «...к сожалению, мы не сможем написать на доске жертвователей должность вашего отца».

ЖЕНЩИНА

Йоги говорят, что обмен жизненной энергией между мужчиной и женщиной является крайне важным событием в жизни. При этом обмен праной создаёт отпечаток на психике каждого человека. При этом отпечаток на психике женщины может оставаться на долгие годы, либо на всю жизнь; он может также выступать в роли подсознательного фильтра в будущих взаимоотношениях. А вот отпечаток на психике мужчины менее стоек. Как правило, он остаётся в течение одного лунного цикла.

Кстати, процесс обмена праной регулируется женщиной. Как все происходит: во время первой стадии женская проекция пробуждает страсть мужчины. На второй стадии просыпается «мужской запах». На третьей – этот запах оценивается женщиной. Реакция же обоих зависит от того, с чакры какого уровня идёт женская проекция.

Чувство влюблённости наполняет и соблазняет, но некоторые люди могут быть зависимы от таких переживаний. Они ищут одни отношения, а следом другие, и все только для того, чтобы вновь и вновь чувствовать возбуждение. Как итог – они никогда не переходят к стадии зрелой любви.

Женщине жизненно необходимо осознавать свою силу и использовать её с ответственностью и благородством. Когда же

женщина действует из состояния незащищённости, она тем самым создаёт ситуации, в которых проявляется неуважение к ней. Требуется быть человеком высшего калибра, чтобы суметь оценить «возлюбленного», находясь при этом в состоянии влюблённости. Любовь, действительно, делает нас слепыми, и это имеет свои положительные и отрицательные стороны. Хорошо, что мы можем принять наших возлюбленных такими, какие они есть. Отрицательная сторона не даёт нам реально увидеть характер, ментальные и духовные ограничения человека. А ведь когда-то, в прошлые времена, человек просил, чтобы семья, друзья и община оценили избранницу или избранника прежде, чем он вступал в продолжительные отношения.

Настоящая цель отношений – углубление чувства любви. Обязательство даёт глубину, основанную на принципе: жить друг с другом и жить друг для друга. Принцип отношений как Любовь+Страсть+Близость основан на глубокой духовной связи, понимании и принятии. Такая любовь растёт благодаря сознательным усилиям обоих партнёров. Существует и чёткое разграничение между страстью, близостью и любовью. Их комбинации образуют независимые модели взаимоотношений.

Любовь + Близость = истинные друзья;

Любовь + Страсть = романтичность, фантазия, идеализация;

Страсть + Близость = быть влюблёнными;

Любовь + Страсть + Близость = экстаз объединения.

Валентина БЕНДЕРСКАЯ

ПАССАКАЛЬЯ

*Homo fugit velut umbra**

Светлой памяти Леонида Колганова

1

В левом окне – орех,
В правом окне – рябина…
Я полюбила на грех
Отпрысков Божьего сына.

Горечь рябины – яд
Вдовьей остывшей спальни,
Сполохи красных Плеяд,
Словно костёр погребальный.

На грех полюбила я
Бурю песков суховея
Там, где сухая земля
Стала святой для еврея.

Там, где цветущий миндаль,
Там, где скупою слезою
Соткана дней пектораль**, –
Вновь повстречалась с судьбою.

---

* Человек исчезает как тень.

** Пектора́ль (от лат. pectus «грудь») – нагрудное украшение, могло быть частью защитной амуниции воина.

2

Я был как найденная найда…

Л. Колганов

Ты заполнил меня до краёв,
праведник мой – Иов.
Тебе я послана Богом
и стану твоим отрогом,
твоим исцеляющим эхом,
души бриллиантовым смехом.
Силой любви моей
тебя заслоню от теней
ведьм, упырей, вурдалаков
и падшего ангела страхов…

3

Тут – наш альков, не быть хуле,
ты – мой любимый.
Я обниму тебя во мгле
судьбы голимой.
Я отпою, я отогрею
своей болью,
что стала вечностью во мне,
моей юдолью.
И жизни минусы твои
во мне померкнут.
Ты станешь светом на земле,
мой вечный рекрут.
Мы освятимся под луной,
под небесами,
взойдя единою звездой
любви творцами!

4

Я без грачей и снега одинок!
И наползает чернота квадрата…
Л. Колганов

Поэт мой любимый, ты верен себе:
в душе твоей чёрные масти,
(ведь я за морями) ты в зябкой избе
верстаешь гремучие страсти.

Гремишь, горемычный, громами строки,
ножом Кудеяровой пляски
и песнью степной заунывной тоски,
безлюбною стынью Аляски.

Вновь мечешься в чёрном квадрате души…
Как ворон клюёшь свою печень…
А помнишь, как искренни и хороши
часы единенья под вечер,

в четверг… а потом, как играли лучи,
и волны шалили в закате?
Об этом тебе ворковали грачи
на старом офсетном плакате?..

5

Мне далеко лететь,
идти ещё далече,
где, надрывая грудь,
ты одинок, как пёс.
И хлещет словно плеть
мои больные плечи
обманчивая гладь,
неодолимость вёрст,

неутолимость дня,
неисцелимость ночи,
ни жизнь – с теченьем вдоль,
ни мысли – поперёк,
как неизбежность дна,
в котором смерть хохочет,
как матч со счётом «ноль»
усилий и тревог.

А был бы ты со мной,
отчаянная нежность,
мы б вместе шли на взлёт,
как в небо этажи.
Не страшен смерти вой!
Земная неизбежность
зальёт небесный лёд
в цветные витражи!!!

6

Ты на ослике ехал верхом.
Я кричала во след: «Любимый,
Прокати же меня с ветерком!!!»
Помахал ты мне молча платком
И умчался, ветрам всем вестимый.

Я брела по пустынной гряде,
Вязли в каменной россыпи ноги.
А вокруг никого, и нигде,
И конца не видать высоте
В горизонт уходящей дороги.

Мне во след хохотал ручеёк,
Огибая как змейка пороги,
Но за мною угнаться не мог –
Он покинул лучистый исток,
Я ж к истоку стремилась в итоге!

Я стремилась подняться с тобой
По наклонной, грозящей обвалом,
Я готова была идти в бой,
Но порыв моей страсти земной
Был подарен стареющим скалом…

Свет из чрева пустых фонарей
Бьётся в окна, как мошки ночные, –
Из каскада измученных дней,
Разливая усталый елей,
Бьются мысли о стены глухие…

7

Не поднять мне уже головы
Так, как было до встречи с тобой.
В моей памяти снова, увы,
Поселилась печаль и бедой

Мне грозит, как набег татарвы,
Как давленье несносной империи!
Накопала защитные рвы
В бесконечно незрячем доверии,

Залегла как подлодка на дно –
От нехватки любви кислорода:
Мне осталось удушье одно
В непригодности бабьего рода…

8

Ветки сухие орешника
тычут культями потешника
в окна пустые…
Как холостые
выстрелы ястреба
резких взглядов…
Вешних нарядов
обтрёпанный вид
грозно глядит
на то, что упало,
и как покрывало
лежит у подножья…
На раздорожье
снова стою,
песню пою
о том, как рябина,
стоя у тына
с дубом – печальные,
смертью венчальные…

9

ПЫЩИН*

Вокруг меня высятся старые стены,
знали забвенье, любовь и измены.
Метровые стены
в потёртых мундирах без позумента…
Свергались и их господа с постамента –
ценою момента…

Тут длинные ленты густой паутины
вместо икон по углам. И камины –
остатки руины
здесь некогда искрами вьющейся жизни,
потухшей на мраморе… Строились козни…
Правились тризны…

…а стены молчали. Лишь птицы кричали,
и кроны деревьев ветры качали…

* Пыщин (Pyszczyn) – село в Польше на Дольном Шлёнске, дворец графа Матюшко барона фон Топольчан, где провёл свои последние дни жизни великий поэт Леонид Колганов (Фридлянд).

10

Почему умирают дворцы?
Почему разрушаются замки?
Почему исчезают творцы
под руинами выцветшей рамки?

Почему умирают дворы
и плющом зарастают усадьбы,
где раскатист был смех детворы
и игрались шумливые свадьбы?

Жизнь, куда ты уходишь из стен,
где ты полною грудью дышала?
Только знаю: вопрос этот – плен,
как столетье, что в вечность упало…

ПОСЛЕДНИЙ КОРАБЛИК

Памяти Ирочки Райзман (Колесниковой)

Привет из весёлой Греции,
с её острогрудых вершин!
У стен Олимпийской трапеции
намерили сотни аршин.

И тысячи солнечных бликов,
как Божье сияние глаз,
и эха раскат птичьих криков,
как Божий негаснущий глас,

летели с осколками пыли
и бились в стальное стекло…
А мимо кораблики плыли,
куда нас с тобою влекло…

Свой белый корабль заприметив,
безмолвно сказала: «Прощай…»
и тихо ушла на рассвете
в тот светлый заоблачный край…

ИЗ СТАРОЙ ТЕТРАДИ

1

ДРАКОН

До поры, до времени
спит во мне дракон –
аппетит немереный –
съеденных времён.

Съест он всех, неласковый,
и меня он съест,
если буду сказками
заполнять окрест

и плести «рассказочки»
о всемирном зле
у крыльца на лавочке
бабой «на метле»,

или марши громкие
хором голосить,
свои связки ломкие
рвать как жизни нить,

иль, как пьяный дедушка,
с дуба на плетень –
сиднем – перевешивать
въедливую лень…

Спи, дракончик-душечка, –
чтоб тебе не встать! –
вот тебе подушечка,
в вечности кровать.

2

Мы с тобой побили горшки!!!
Из осколков семейной посуды,
разгребая завалы и груды,
ты верстаешь свои стишки.

Те осколки тебе к лицу!
В них, сверкая на пике Парнаса,
ты стоишь, укрощая Пегаса, –
пыль души превращая в пыльцу!

Мне осколки посуды – лом,
от которого душно и горько,
что несчастная, жалкая горка
представляла когда-то дом

из цветами наполненных ваз,
где мы райские яблоки ели,
где сам Бог у любви колыбели
тёр слезу с умилённых глаз.

3

Ты пошёл своей дорогой,
Я пошла своей…
Боль угаснет понемногу
В водопаде дней…

И пойдут дни чередою,
Как кандальный звон,
Где уныние – страдою
Вышибется вон.

Ты купаться в своей ряске
Будешь день-деньской
И мои земные ласки
Вспоминать с тоской.

Позабуду жизнь батрачки,
Веря в чудеса,
И дремучие от спячки –
Зацветут леса!!!!!!

4

Дай покоя мне!!! Я не хочу
Бесконечной войны поло́в!
Ты отдай свой топор палачу,
А врагу – перестрелку слов.
Ты – не святой,
Я – не святая,
И всё понимая,
Стоя у края Вечности,
Не избежать нам Млечности,
Не избежать забвения
И земляного тления!

Приди же ко мне повиниться
(если такое случится)
Из глубины колодца
Войной измождённого сердца.
Там красота,
Там чистота.
И всё понимая,
Стоя у края Вечности,
Не избежать нам Встречности
На Небесах
В Божьих лесах!!!

5

Писать стихи от возмущенья
И гнева? – Нет!
Писать стихи от наслажденья
На склоне лет!
Бежать по миру стезёй кумира,
Путём Творца,
И слышать голос, и видеть светоч
Его лица!
Моя планида не панихида,
А вечный гимн:
Живая песня, живая лира –
Я вместе с ним!
Я вместе с бурей и с ветром вольным,
Как Божий дух!!!
Раскрою двери, раскрою окна!!!
Поёт петух,
Гостей сзывая из небокрая
Лучом зари!
Как млечность мая лечу с окраин,
И ты лети!!!

МАЛЬТИЙСКАЯ АРАБЕСКА

Ларисе Хайт

А у нас осень тоже зелёная!
Но тобой я была окрылённая:
и фасадами, и перелесками,
и поэзии каменной фресками!

Синевою морской разложистой,
обнимавшей твой берег кожистый,
упивалась как скифским золотом,
заблудившись в прибрежье колотом,
рассечённом ножами-бухтами
да пропахшем рыбой и фруктами.

Наливаются гроздья лакомством
на рифе извилистом, кряжистом.
Опоил виноградный исток
(соблазнителем) винных истом…

Яркоглазая россыпь лагун
с переливами тысячи лун
в плавучести звёздной воды
с прозрачностью тонкой слюды
восхищала своим убранством
над таинственно скрытым коварством.

Я вечерний покой у камина
отдала б за полёт на Камино,
повседневную тихую прозу –
чтобы снова вернуться на Гозо.

В очертаниях бабьего лета
снится щедрая шармом Валлетта,
как пою в «луццу»* Витториозе
с нежным плеском волны – ариозо.
Так, играя на солнце, как смальта,
поселилась в душе моей – Мальта.

* Луццу (мальт. Luzzu) – название традиционных рыбацких лодок на Мальте.

МУЖЧИНА

Мужчина, действительно любящий жену, непременно стремится к тому, чтобы его женщина развивалась. Мужчина, не желающий ее развития, добивается, чтобы она существовала только для него. Иногда ему трудно поверить и в то, что у женщины нет энергии или же, что у неё имеются собственные нужды, поскольку в его понимании: женщина/мать – это бесконечный источник.

Если говорить о любви мужчины к женщине, то на самом деле он любит ее вовсе не из-за секса, и не потому, что она хорошо готовит. И даже не из-за того что она хорошая мать. Он любит её, потому что она может вывести его за рамки земного. Ибо только любимая женщина переведет мужчину в такое состояние или в такой транс, который сможет разрешить конфликт его ума и принести успокоение.

Мужчина любит еще и потому, что женщина знает, как подарить любимому переживание расширенного и бесконечного «я». А это главный фундамент для долгой любви. Конечно, мужчина знает, что у него есть свои ограничения, поэтому он и чувствует притяжение к той, которая способна дать недостающее или помочь ему развить различные аспекты его личности.

Если мужчина действительно любит женщину, он будет желать и содействовать тому, чтобы она проявляла свою беско-

нечность, поскольку тогда она сможет вдохновлять его к тому, что будет выше любых его мечтаний.

И все же при этом существует великий космический парадокс: женщина желает, чтобы её мужчина обеспечил ей безопасность. А он – чтобы жена оказала ему поддержку. При этом женщина чувствует, что может дать мужу поддержку только в том случае, если он обеспечит ей безопасность. А мужчина твёрд в своём представлении, что может дать жене безопасность только при условии, что она обеспечит ему поддержку. Таким образом, каждый ждёт, когда другая сторона первой начнёт процесс. Как бы нам ни хотелось, но независимо от нас такие программы записаны в подсознательном уме и мужчины, и женщины. Однако на самом деле ни один мужчина фактически не может предоставить женщине полную безопасность. Нет такого мужчины, который в состоянии осуществить все её проекции. Как вывод: *женщина должна найти безопасность внутри самой себя и своей души.*

НО! Не существует и такой женщины, которая могла бы поддержать мужчину в мере, достаточной для того, чтобы он излечил свои раны. Нет такой женщины, которая могла бы оказать мужчине такую поддержку, которую он хочет. Отсюда вывод: *мужчина также должен искать безопасность внутри себя и своей души.*

Леонид КОЛГАНОВ

БОЛЬШЕ ЛЮБВИ

Валентине Бендерской

Ты больше меня – ты Судьбина,
Ты – волчия яма моя,
Свела под конец нас година,
Разбитая, как колея!

Петлистые наши дороги,
Размытые наши пути,
Отброшенных Родин пороги,
Которых уже не найти!

Свели нас слепые Стихии,
Ожившие угли в крови,
Ты больше Украйны, России,
И даже – ты больше любви!

ЗОЛОТАЯ ГРИВА

Валентине Бендерской

Мы сходились с тобою в размыве
Неразмывных, казалось, дорог,
И размытые вёрсты сулили,
Словно карты, суму и острог.

Мы сходились с тобою в разливе
Неразливных столетьями – рек,
И в твоей золотой львиной гриве
Я запутался, видно, навек!

Мы сливались с тобою в слиянье
Неслиянных, казалось, кровей,
И твоё золотое сиянье
Восходило над жизнью моей!

Мы сходились с тобой, Золотая,
В размыванье песков и племён,
И судьба, словно пряха слепая,
Швы латала распадных времён!

ЗАПОЛНЕНИЕ ПУСТОТ

Валентине Бендерской

Заполняешь собою пусто́ты
До тебя пустовавшей души,
Перелить ты, как донор, готова
Кровь живую в мои миражи!

Своей плотью заполнишь пустыню,
Пустовавшую тысячу лет,
Дико вея степною полынью,
Оставляя в песках женский след.

След ступни на песке и на глине
Грузно вдавишь в мою пустоту…
Удалось лишь одной Магдалине
Возвратить плоть живую Христу!

А затем воротить душу-живу,
Ведь без плоти нельзя ей никак,
Повинуясь земному порыву,
Он, как плотник, восстал, как рыбак!

Новой Эрой восстав, Первым Веком,
Плотским потом (мужик, не фантом).
Он пред нею предстал – Человеком,
Ну а Богом пред всеми – пото́м!

НОЧНОЙ ЗВОНОК

Валентине Бендерской

Твой звонок из нóчи сокровенной…
Он меня, как смерть, насквозь пронзил,
А затем – живой водой мгновенной –
Голос твой, как прежде, воскресил!

Голос твой, как встарь, животворящий,
Что всю жизнь в себе незримо нёс,
Забывал порой, как Град пропащий,
На него идя, как чуткий пёс!

Ибо – затонувший, словно Китеж,
Он всю жизнь – весной звенел во мне –
Так, что не услышишь, не увидишь,
Только чуешь – он на глубине!

Он на глубине стихий мятежных,
На недостижимой вышине,
Самый нежный из рыданий нежных,
Ожил – Ярославною – во мне!

Я твоё держу сквозь годы стремя,
Ты такая ж нежная, как встарь,
И твой голос, опрокинув Время,
Вновь гремит в моей груди, как Царь-

Колокол, негаданно оживший
И заговоривший в первый раз…
Я к тебе иду, мой давний Китеж,
Сквозь века иду к тебе сейчас!

БОГ И ТЫ

Валентине Бендерской

Мы друг от друга так далёко,
И кажется – прошли века,
Но Небо я целую в щёку
И знаю: то твоя щека!

Святому месту не быть пусту,
Когда стоишь ты – так чиста,
Я Иордан целую в устье
И знаю: то твои уста!

В песках следы свои запутав,
Я на безлюдье изнемог,
Как Гулливер без лилипутов,
Явилась ты! А значит – Бог!

С тобой я не один в пустыне!
Узрев опять твои черты,
Мой гордый Демон пал и сгинул –
Остались только Бог и ты!

ДВЕ ПЕСНИ

Валентине Бендерской

Мы – две лебединые песни,
Сольёмся в полёте в одну,
Когда, воспарив в Поднебесье –
В последнею вышину, –

Застынем с тобою над Бездной,
Уже ничего не тая,
Моя лебединая песня,
Последняя песня моя!

И два лебединых порыва
Застынут как стон на лету,
Когда мы над пастью обрыва
Почуем небес пустоту!

И снова сольются две песни,
Когда мы – небес вышину
Отбросив – опустимся вместе
В земную, как ночь, глубину!

И будем – два ангела падших –
Лежать, небесам бросив: «Прочь!»
И будет лишь песня лебяжья
Над нами, как белая ночь!

Хочу я, отбросив все мили,
С тобой лежать рядом в земле,
Чтоб жалась могила к могиле,
И мы вновь сливались во мгле!

Хочу, чтоб в Божественном Граде,
Где вечно идёт Вечный бой,
Прижалась ограда к ограде,
Чтоб слиться навечно с тобой!

ТВОЙ ЗОМБИ

Валентине Бендерской

В который день, в который год,
Свинцовый сон превозмогая,
Надежда нежная найдёт,
И ты привстанешь, дорогая!

К исходной точке поведут
Любви расхожие дороги:
Ведь души в комнате поют,
А мы озябли на пороге!

Чрез много дней, чрез много лет
Тебя я снова не покину,
И, словно зверь, берущий след,
Тебе дышать я буду в спину!

И даже если средь кручин
Придётся с жизнью мне расстаться,
Как зомби в призрачной ночи́,
Я за тобою буду гнаться!

ПЕРЕПЛЁТ СУДЬБЫ

Валентине Бендерской

Средь судьбы слепых переплетений
Мы в один попали переплёт,
И не знаю – злой иль добрый гений –
До конца нас в жизни переплёл?!

В этой жизни под одной обложкой
Мы скрестились как тела в ночи́,
И в немых объятиях безбожных,
Слов не находя, почти мычим!

И среди безбрежного молчанья
Я – на синей медленной волне
Уношу тебя в немом мычанье,
Словно бык Европу на спине!

И среди мычанья океана
Я тебя, точно добычу вор,
Уношу дорогой окаянной,
Будто Лорелею на простор!

В звёздные часы свои, наверно,
Мы с тобой переплелись в любви,
И, как золотые тайны Рейна,
Золотятся волосы твои!

СМИРЕННЫЙ ДЕМОН

Хочу я с небом примириться.
М. Лермонтов

Валентине Бендерской

Любви твоей земная сила
Мне не позволила пропасть,
Меня ты с Богом примирила
И в Бездну не дала упасть!

Зарубцевались все каверны
От дней былых, от дней лихих,
Я тот же демон, но смиренный,
Поверженный! Теперь я тих!

Отбросив прежнее безумство,
Я жизнь, словно слепой рукав,
Всю вывернул! Былое буйство
Лежит со мной, отбушевав!

Я сам отбушевал как море,
Вернувшись в берегов овал,
И лёг со мной, мне тихо вторя,
У ног твоих Девятый вал!

И – словно заново рождённый,
Утихомирясь, наконец,
Я счастлив, как опустошённый
От первой близости, юнец!

ДНЕПР И ВОЛГА

Валентине Бендерской

Противоположности сходятся
Ненадолго, не навсегда,
А затем их пути расходятся,
Словно Волги с Днепром вода!
Ты ушла от меня надолго,
А – быть может – и навсегда,
И осталась мне Матушка-Волга,
А Днепра утекла вода!
Я плотиною встать хочу,
Повернув вспять Днепро, наудачу,
За друзей я долги плачу́,
А по водам днепровским пла́чу!
Все обиды готов я понять:
Что ушёл он всерьёз и надолго...
Но во сне снова катится вспять
Твой Днепро, разлучённый с Волгой!

ЖЕНЩИНА В ИЮЛЕ

Валентине Бендерской

Шальная пуля, как шалунья,
Подобно женщине шальной,
Как залихватская певунья
Играла весело со мной!
Летя навстречу, песню пела,
Припасть желая мне на грудь,
И песня на лету звенела,
Ко мне указывая путь!
К моей груди она прижалась,
И тут же я сгорел дотла,
Шальная пуля приласкалась
И, словно женщина, сожгла!
О нет, сожгла меня не пуля –
Другим путём она плыла…
Спалила женщина в июле –
Ты этой женщиной была!

СКВОЗЬ ТЬМУ

Валентине Бендерской

С возрастом моё слабеет зренье,
Пред глазами кружатся слепни́,
Но молю: «Вернись хоть на мгновенье –
И опять красою ослепи!»
Ничего вблизи уже не вижу,
Но твою предвижу красоту,
Словно к смерти, к ней всё ближе, ближе,
Ей сто жизней мёртвых предпочту!
Как лунатик по неверной крыше,
Будто камикадзе в даль идёт,
Я на голос твой, что вечно слышен,
Вновь иду как старый идиот!
Как слепой подземный прорицатель
Лишь тебя провижу в темноте,
И иду, мгновенно прозревая,
Я – к тебе, забыв о слепоте!
И закончив битвы все друг с другом,
Оба проиграли мы войну,
Но твоим вновь окружённый кругом,
Снова вижу я тебя одну!
И валюсь поверженный громами,
Словно острой скошенный косой,
Не седыми ослеплён годами,
А твоей пронзительной красой!

СВОБОДА БЕЗ ТЕБЯ

Валентине Бендерской

Как разорвавший путы кречет,
Я вырвался из всех силков,
И без тебя на этом Свете
Кружу один средь облаков!
И – разорвав железный пояс,
Свою Свободу торопя,
Я на другой прорвался полюс,
Где даже близко нет тебя!
И – позабыв про всё на Свете,
И – от тебя уйдя в Астрал,
Как распоясавшийся ветер,
Я – на свободе бушевал!
Но – буйному подобно вепрю,
С пути сметая егерей,
Я разметал её по ветру!
Что без тебя мне делать с ней?

КОНЕЦ ИЛИ НАЧАЛО?

Валентине Бендерской

Простились – может, на реке
Иль – в душной электричке,
Но дрожь твоя в моей руке
Забилась по привычке!

И мы не разомкнули круг,
Хоть ты умчалась в даль,
Но волны бьются, будто струг,
Мой струг о твой корабль!

Они почти изнемогли,
Но – как бабьё – метались,
И – на другом конце Земли
Их брызги разлетались!

Словно дробился водопад,
Разбившийся не зря,
В них отражался наш закат,
А – может – и заря?

Волна восстала как мертвец
У твоего причала,
Неся к тебе любви конец
Иль новое начало?

ЧЕРНОБЫЛЬ И ПОЛЫНЬ-ЗВЕЗДА

До дней последних донца.
В. Маяковский

Из цикла «Астральные Войны»
Валентине Бендерской

Закончился наш лунный бред,
На день мы стали старше,
И солнце снова дарит свет
Из раскалённой чаши!
Готовы звёзды вновь взойти
На небе в час свой поздний,
Но солнце встало на пути,
Путь преградило звёздный!
На гру́ди Матери-Земли
Готово солнце рухнуть,
Чтоб звёзды заново взошли,
Должно оно потухнуть!
Тогда нас снова ждёт беда,
И не хотим мы, чтобы
Опять взошла Полынь-Звезда
И пала на Чернобыль!
И, чтобы обрести Покой,
Чтоб вновь нас озарило,
Как Маяковский, крикнем: «Стой,
Не уходи светило! –
Нам без тебя совсем – Не быть! –
Свети опять до донца...»
Как в этой жизни совместить
Полынь-Звезду и Солнце?!
Ведь – ты меня в наш первый день
Лучами озарила,
Затем нашла тень на плетень,
Твоя Полынь спалила!

Ты – Солнце и Полынь-Звезда,
Единая в двух лицах,
И не уйти мне никуда,
Нет от тебя границы!

Неужто Звёздною Войной
Идти мне в бой с любимой?..
Как совместить в тебе одной –
Всё, что несовместимо?

Но могут совместить любовь
Два разные светила:
Чтоб озарило Солнце вновь,
И вновь Полынь спалила!

И хочет рок, коней взнуздав,
Чтоб мы горели оба:
Ты – вечная Полынь-Звезда,
Я – вечный твой Чернобыль!

ПАДШИЙ ГРОМ

Валентине Бендерской

Я сбросил плащ громо́в с плеча,
Как царскую парчу,
И – позабыв про свой причал,
К тебе с небес лечу!
Меж небом и землёй барьер,
Но я, отбросив сроки,
С небес свалился в твой карьер,
Тебя взяв на закорки!
И – на закорках протащил
Через Земли владенья,
Теперь я твой небесный щит
И звёздное спасенье!
И словно в сказку, а не в быль,
Я – с неба падший гром –
У ног твоих уткнулся в пыль
Сияющим челом!

ТВОЁ ПЛАТЬЕ

Валентине Бендерской

Твоя открылась тихо дверь,
Как будто в тайном лазе,
Я ослеплён был, словно зверь,
Из логова вылазя
На солнечный, слепящий свет,
На свет ночных светил,
И кажется, под звёздный плед
Из мрака выходил!
Спадало небо на меня,
Накинув тот же плед...
Я – от небесного огня
Впадал в прозрачный бред!
Нет – то не звёздный был подол,
Не лунные объятья...
А просто в комнате на пол
Твоё спадало платье!

ПОД СЕНЬЮ РЕСНИЦ

Валентине Бендерской

Я жил в тени твоей улыбки,
Под сенью от твоих ресниц,
Они – как синий веер зыбкий,
А может, трепет райских птиц, –
в ночи́ раскинулись над нами.
И пусть мой путь затмила мгла,
Но под твоими я крылами,
Как тень от твоего крыла!
Уже не вижу отчей двери,
Не слышу зов родных могил,
Но – надо мной трепещет веер,
Как будто трепет райских крыл.

РЕБЕНОК

Когда мы становимся родителями, мы будто бы возвращаемся в собственное детство, заново проживая и радостные, и грустные события прошлого. Мы видим в своем поведении то, что переняли от своих мам, а они в свою очередь – от своих. И нередко бывает, что нам это совсем не нравится. И мы начинаем в чем-то вести себя со своими детьми совершенно иначе, тайно желая, чтобы и наше детство было именно таким. В такие моменты мы иногда даже завидуем собственным детям.

Дети помогают нашему исцелению, они – словно проводники в мир чистого сердца для своих родителей. Но исцеление всегда болезненно. Сколькому нужно научиться и сколько грязи достать из своего сердца! Поэтому с рождением ребенка к нам нередко приходит кризис. Кризис нового проживания детских травм. Как часто мы живем с сердцем, перемотанным лейкопластырем. Но вместо того чтобы лечить раны, мы снова и снова заклеиваем их и делаем вид, что все нормально. А тем временем под пластырем начинается воспаление. Помня каждую обиду, нанесенную нам родителями, мы их бережно храним, лелеем и холим А ведь всего-то и нужно: простить и идти дальше, жить по-другому. Но нам же это не интересно, да и гораздо труднее!

Но вот на свет появился ребенок, и у нас все меньше сил для того, чтобы притворяться. А вскоре он входит в самый сложный для нас возраст. И это ни что иное, как тот период, когда нам в нашем детстве было более всего непросто. Ребенок – отличный индикатор нашего психического здоровья и зрелости. Благодаря ему возможно отследить и то, в каком возрасте вы застряли, особенно, когда вдруг начинает казаться, что больше ничего вы ребенку дать не можете и что делать с ним – не понимаете. И такое, заметьте, может случиться и в семь, и в десять, и в пятнадцать лет. А ведь это звоночек свыше – пришла пора обратить внимание на свои заклеенные пластырем раны! Их пора лечить! Пора смотреть правде в глаза и исцеляться.

Если бы не дети, мы еще долго могли бы пребывать в иллюзиях, что абсолютно здоровы и у нас все отлично, что мы добрые и просветленные. Но эти маленькие человечки берут на себя непростую задачу – открывать нам глаза на истину.

Анна ГАЯТРИ

ШИЗОФРЕНИЯ

Меня зовут Жанна. Я сама себя так назвала. И неважно, как называла меня мама. Мне не нравилось. То имя причиняло мне боль, как и вся жизнь ДО. Это теперь я могу превращаться в кого угодно. Просто идя по улице. Я вижу, как голубь взлетает ввысь, и тут же чувствую легкую, но сильную волну воздуха, поддерживающую мои крылья. И воспринимаю мир боковым зрением в совершенно иных цветах, которые сложно описать человеку. Мир становится объемным, искрящимся и стремительно вращающимся словно гигантский волчок. И я ощущаю странный голод в желудке. Есть, нужно что-то есть. И мой глаз зорко всматривается в карусель веток, листьев, дорог, чтобы выхватить то мельчайшее, что можно клевать и глотать… А потом я возвращаюсь в себя, чтобы вновь скользнуть в иное тело, в иное сознание. Иногда мне нравится быть собой и смотреть на мир своими глазами. До тех пор, пока я не проваливаюсь в детство, и меня не пронзает боль.

Тогда я снова становлюсь пятилетним беспомощным ребенком, плетясь за вечно спешащей мамой, держась мизинчиком за ее мизинец, в вечном страхе, что пальцы расцепятся, и она умчится, исчезнет, растает среди шумной полноводной реки людей. Такая редкость и такое счастье – быть этим неуклюжим слоненком, что хоботом ухватился за мамин хвостик. Но вот на пути – детский сад или больница, что-то из этих вечных перемен. И отцепиться приходится. И агрессивный мир обрушивается на меня. А мама уходит, убегает, всегда второпях и радуясь, что исчезла помеха в ее бурной головокружительной жизни.

Иду по улице. В ярком плаще. Под светлым весенним дождем. И прикасаюсь взглядом к старой водосточной трубе, из которой ливневыми струями течет, а точнее – низвергается струя воды, словно из пасти чудовища. И я становлюсь водой,

мягкой, сияющей, в мелких солнечных брызгах. Я подставляю руки под желоб водосточной трубы, и вода обрушивается в мои ладони леденящим потоком. И вдруг я падаю в собственное тело, и водоворотом меня уносит в ту крошечную комнату, где я нахожусь вдвоем с высоким человеком, который держит в руках карандаш и блокнот и что-то рисует в нем. Не что-то, кого-то. Меня. То и дело он взглядывает на меня. А я сижу, съеживаясь от холода, ведь он снял с меня всю одежду. Так всегда бывает, когда мамы нет дома. Он раздевает меня, как куклу, и усаживает на диван. И я должна сидеть смирно.

А потом, отложив свой рисунок, он садится рядом со мной. И его длинные пальцы начинают щекотать меня, и я невольно смеюсь. А он начинает хихикать и прижимается ко мне красными мокрыми губами. А затем расстегивает штаны… И тут – я отделяюсь от собственного тела. Мне шесть лет. Мой взгляд скользит за окно, там растет единственное дерево в нашем дворе. И я становлюсь деревом и ощущаю толстую морщинистую кору на своем маленьком теле. Я больше не чувствую отвратительных поцелуев, от которых меня тошнит. Я больше ничего не чувствую. Только холодный чистый воздух. Только покой и тишину.

Это был мой отец. Мой отец. Когда я уже выросла и смогла рассказать обо всем маме, она усмехнулась: «Ничего удивительного. Ты была красивой девочкой. Он был в тебя влюблен. И к тому же он художник. Они все такие».

И я перестала хотеть быть красивой. Я перестала хотеть быть собой. И моя душа продолжила свои странствия, в которые она отправилась уже в детстве.

Я иду по улице. Красные и желтые вывески мечутся от бешеных порывов ветра. Мир полон оглушительных звуков – гудки машин, голоса людей, крики птиц. А я хочу тишины. Тишины и покоя. Ноги ведут меня сами. Они идут по знакомой дороге и приводят меня в маленький двор, где растет единственное дерево. Сильное, с могучими ветвями, устремленными в бездонное небо. Я подхожу к нему и прижимаюсь к мокрой мор-

щинистой коре, сливаясь с ним всем своим существом. И моя душа вдруг принимает странное решение – стать деревом насовсем, навсегда. И больше не возвращаться. Я погружаюсь в безмолвие. Все стихло. Я чувствую толстую кору на своем беспомощном теле. Я начинаю изо всех сил тянуться к свету, солнцу, счастью.

Но я вдруг слышу далекий и приближающийся звон топора.

ТУАЛЕТ

Маня пришла из школы с очередными замечаниями в дневнике. «Девочка опять рисовала на парте», «Девочка была невнимательна», «Маша была опять не готова к уроку». И еще одно: «Девочка на уроке витала в облаках». Она не боялась этих красных записей, никто не читал их, никто ее не ругал. Она была счастлива, когда вышла из школьных дверей на тихую улицу, и мир орущих, бегающих, дерущихся детей остался позади. Она была счастлива, когда шла домой, – конечно, по волшебной дороге, в сопровождении невидимого доброго сказочного дедушки, который любил ее и оберегал.

Дома, в крошечной комнатке коммуналки, на диване спал отец, а на полу, возле свесившейся его руки, стояла почти пустая бутылка водки. Мама была на работе, и придет не скоро, когда на улице будет совсем темно, и яркой белизной на фоне черного неба высветится крест окна.

Бросив портфель, Маня вышла на кухню. Там все было в дыму, а соседка орудовала кастрюлями и сковородками возле плиты. Какой-то незнакомый мужчина сидел возле стола, на котором стояли тарелки и бутылки. Он бросил тяжелый взгляд на Маню, и она потихоньку отступила за порог. Снова зашла в комнату. Отец храпел, и тонкая струйка слюны стекала в уголке рта. Вдруг, словно почуяв Манин взгляд, он встрепенулся, вытаращил на нее свои красные глаза. Она замерла, застыла, боясь вздохнуть. Но он только перевернулся, застонал и впал в

забытье. Она тихонько скользнула за дверь, побродила по темному узкому коридору. Подошла к двери туалета, включила свет и юркнула внутрь. Быстро закрыла щеколду. Тишина. И огромная светло-зеленая стена перед ней. Маня коснулась ее руками, стена была прохладной и влажной. Девочка улыбнулась. Ей представилось, что она оказалась в сказочной стране. Водя пальцами по стене, она ощутила множество клавиш на ней, нажимая на которые можно было извлечь прекрасные звуки. И Маня начала играть. Быстро-быстро перебегая пальчиками по клавишам, она слышала величественную мелодию, которая уносила ее в совершенный мир, где всегда было тепло и солнечно, где все любили ее, и она любила всех, где жили добрые говорящие звери и милые волшебные существа. Пальцы легко перемещались вдоль холодной стены, и торжественные звуки наполняли сердце радостью и покоем. Мане казалось, что она летит, и она даже тихонько запела, но тут в ее музыку ворвался грохот и грубые крики. Она испугалась и не сразу сообразила, что происходит. В дверь стучали, ручку дергали, все ходило ходуном. Трясущимися руками отодвинула она щеколду.

И тут ее резко выдернули из волшебной страны, схватив за плечо и вышвырнув в коридор. Отец дал ей затрещину, что-то проорал ей и скрылся за дверью. Девочка тенью проскользнула по коридору и вышла из квартиры в парадную, а затем на улицу, где уже темнело и загорались огни в окнах. Люди сновали вокруг, болтали, смеялись, бежали по своим делам. Маня нашла свое привычное место, где она всегда ждала маму. Мама придет, накормит ее и уложит спать. Ничего не спросит, ничего не расскажет. Она будет, как всегда, ругаться с папой. А потом выпьет с ним вместе и начнет хохотать неизвестно отчего. А потом они или уйдут к соседям, или вообще куда-то далеко-далеко, где Маня еще не была. У них столько своих дел! А Мане будет приказано спать. Она будет тихо лежать в кроватке, пытаясь не думать об ужасных клопах, которые будут ее

кусать, и от которых потом будут чесаться ноги. Стараясь не думать о темноте, которая окружает ее со всех сторон и в которой прячутся чудовища.

Маня стояла на улице. Ее фигурка съежилась под желтыми лучами фонарей. Она настроила свой слух на мамины шаги, которые она узнает из тысячи шагов других прохожих. Все ее существо застыло в ожидании. А мыслями она перенеслась в волшебную страну. В следующий раз, может быть, завтра, она обязательно снова спрячется в туалете. Она возьмет туда свои разноцветные мелки, которыми весной она часто рисует на асфальте. И она сделает такой чудесный подарок – и своей маме, и соседям! Как они удивятся, как ахнут от восхищения, когда увидят прекрасную картину на светло-зеленой стене, картину, которую она, Маня, сотворила для них! Она вложит в нее все свое сердце! И все изменится. Все изменится… Ее сердце гулко застучало. Шаги. Знакомые шаги.

– Маня, ну чего стоишь? Идем.

ЦЫПЛЕНОК

Ваня вприпрыжку бежал по улице вслед за мамой. Ему было пять лет. Начиналась весна, солнце было веселым и скользило яркими лучами по тонким льдинкам на лужах. Ваня наступал на такую льдинку, хруп-хруп, и она покрывалась сетью мелких трещин, а ботинок погружался в синюю воду. Ваня начинал тогда скакать по всем льдинкам, в восторге притопывая ногами и извлекая белые фонтанчики сверкающих льдинок из каждой замерзшей лужицы. Он смеялся и светился от радости, пока мама откуда-то издалека не окликала его, и он опрометью мчался за ней. Нужно было спешить.

Они шли в гости. Какое счастье – идти в гости таким прекрасным весенним днем! Но мама немного волновалась. Там, куда они шли, был ребенок. И мама хотела купить подарок. Оставив Ваню постоять на улице, она заскочила в магазин и

быстро вышла оттуда с небольшой коробочкой. И они побежали на трамвай.

Оплатив проезд, они уселись на деревянных скамейках друг напротив друга. Ваня сел у окошка и приготовился смотреть на сверкающий снаружи мир. Но тут мама открыла коробочку и достала оттуда игрушку. Это был ярко-желтый пушистый цыпленок на тонких пластмассовых ножках. Из коробки мама извлекла еще какую-то бумажку и ключик, но тут же положила обратно. Ваня робко протянул руку, чтобы дотронуться до пушистого меха. И мама разрешила ему подержать цыпленка. Подержать до тех пор, пока они едут.

Ваня, затаив дыхание, осторожно держал крошечное существо в своих ладонях. Он гордился тем, что мама доверила ему такую хрупкую вещь. Сердце его учащенно забилось, щеки покраснели, и он все смотрел и смотрел на желтый комочек. А тот уставился на него своими черными глазками и словно говорил: «Я такой маленький, такой беззащитный. Защити меня, Ваня. Люби меня. Оберегай меня...»

Мальчик чувствовал тепло, идущее от цыпленка, и на какой-то миг ему показалось, что он шевелится и дышит. Да, отзывалось сердце Вани, я буду любить и оберегать тебя! Ладоням было приятно и тепло от пушистого меха. За окном начали загораться огни, день угасал. Вокруг двигались и шумели люди, но Ваня ничего не замечал. Он смотрел и смотрел на своего цыпленка, замирая от любви и нежности. Ничего больше не существовало вокруг. Только теплые ладони, а в ладонях – счастье. Счастье, в котором соединилось все: уютный свет лампы перед сном, когда глаза смыкаются в приятной дремоте, и ты улетаешь в неведомые дали; бабушкина колыбельная, весенний солнечный ветер, морщинистая рука дедушки, когда он гладит Ваню по голове, мамин голос, высокое синее небо и беззаботное пение птиц. Мальчик едва дышал, растворившись в чувстве покоя и безмятежности, а его руки бережно держали цыпленка.

Мерное постукивание трамвая прекратилось, и мама сказала: «Выходим. Давай игрушку!» Ваня в недоумении таращился на нее, не понимая слов. «Ты что, уснул? Ладно, неси пока. Пошли!» И мама схватила его за плечо и потащила к выходу. Ваня прижал цыпленка к груди и, спотыкаясь, побрел за ней. Лужи подмерзли, стало скользко, и он боялся упасть, все сильнее прижимая меховой комочек к себе. Но вот и подъезд.

«Давай!» – мама протянула руку.

Ваня отступил.

«Ты что? Давай цыпленка, быстро!» – Она разжала Ванины пальцы, вынула игрушку и сунула ее в коробку. – «Ну еще поплачь! Жадина! Иди давай!»

Она втолкнула его в подъезд, и они стали подниматься по лестнице. Слезы душили Ваню, но он глотал их. «Мальчики не плачут», – всегда говорила мама. А когда он все-таки плакал, то дразнила его, обзывала девчонкой и всякими обидными словами. Поэтому он стойко глотал свои слезы и поднимался по лестнице. Из носа потекли сопли, и он утер их рукавом. Он хотел сделать это незаметно, но мама все-таки увидела и усмехнулась.

«Жадина, еще и плакса. Попробуй только пореви там!»

Она позвонила в дверь, за которой слышались крики и смех.

«Улыбнись», – прошипела мама.

Дверь распахнулась, и Ваню ослепил яркий свет. Там шло веселье, бегала стайка детей, взрослые радостно окружили маму. Потом подбежала незнакомая девочка, и мама сунула ей в руки коробку. А потом Ваню привели в детскую, где играли и смеялись дети. Незнакомая девочка открыла коробочку и извлекла из нее цыпленка.

«Ой, тут еще ключик!» – радостно закричала девочка. Она тут же стала засовывать этот ключ в цыпленка и провернула его там несколько раз. И тут игрушка вдруг ожила. Цыпленок запрыгал по полу и словно клевал что-то. Ваня невольно улыбнулся. А девочка захлопала в ладоши. – «Он живой, живой!»

Она все заводила его и заводила. А потом вдруг что-то треснуло, одна лапка у цыпленка отвалилась и он упал. Ваня закричал от страха. Он оттолкнул девочку и схватил желтый комок. Девочка тоже закричала и налетела на Ваню.

«Отдай, отдай, он мой!» – вопила она.

Ваня заревел во весь голос и еще сильнее прижал к себе сломанную игрушку. Девочка вцепилась ему в волосы. А он просто стоял и ревел.

Тут прибежали взрослые. Мама выдернула у него из рук цыпленка и отдала его девочке. А потом шепнула ему в ухо:

«Мне стыдно, что ты мой сын».

Взрослые ушли, и никто из них не видел, как девочка, ехидно улыбаясь, сломала цыпленку вторую лапку, а потом долго возилась с ним, пытаясь завести его ключом и заставить прыгать без лапок.

На обратном пути мама с ним не разговаривала, только строго смотрела. Потом не выдержала и сказала:

«Дома я с тобой поговорю. Жадина».

Ване было все равно. Ему казалось, что в сердце у него дыра, и в ней завывает черный ветер.

Дома мама кричала на него и била ремнем. А на следующий день исчезли все его игрушки. Но ему было все равно. Больше он не замечал этой весной ни радостных солнечных лучей, ни хрупких льдинок под ногами. Он покорно ходил в детский сад. Ел, когда его кормили. Спал, когда ему говорили спать.

«Ну и бука же ты!» – сказала как-то мама.

Но ему было все равно.

КОЛОКОЛЬЧИКИ

Колокольчики мои, цветики степные,
Что глядите на меня, темно-голубые?
И о чем звените вы в день веселый мая,
Средь некошеной травы головой качая?
Алексей Толстой

Иногда мама рисовала. Это случалось редко, и Маня любила наблюдать за ней из своего уголочка. Сначала был белоснежно чистый лист бумаги, а потом он заполнялся цветными пятнами, и вот Маня уже различала очертания вазы, а в ней один за другим распускались нежные цветы на тонких зеленых стеблях. Маня жадно следила глазами за движениями кисти, и ей казалось, что это рисует она. У самой Мани были только цветные карандаши, которые вечно ломались. Она любила держать в руках эти разноцветные палочки, любила водить ими по бумаге. Но получались какие-то каракули. Вот если бы попробовать красками! Но мама красок ей не давала.

«Научись сначала рисовать, – говорила она. – Для этого и карандашей достаточно».

Однажды мама вышла из комнаты, и Маня, охваченная внезапным порывом, подошла к ее картине, взяла кисточку, обмакнула в краску и стала завороженно водить ею по бумаге. Она рисовала цветы. Вернее, дорисовывала то, что мама уже успела изобразить. Она макала кисточку то в синюю, то в красную, то в желтую краски и с наслаждением наблюдала, как яркие огромные цветы расцветают на фоне ясного неба. Маня чувствовала себя волшебницей, а из-под ее руки рождался новый чудесный мир. Она и не заметила, как вернулась мама.

Мама ахнула, закричала на Маню, выдернула у нее из рук кисточку.

«Никогда! Не смей! Трогать мои краски! И рисовать на моих картинах! Ты все, все испортила!» – В гневе она разорвала картину, а когда Маня, заплакав, хотела обнять маму и попросить у нее прощения, оттолкнула девочку. – «Уйди! Не трогай меня!

Не хочу с тобой разговаривать! Взяла и все испортила! Научись сначала рисовать, художник!»

Маня тихонько ушла в свой уголок, достала листок бумаги и принялась чертить на нем что-то своими карандашами.

А на следующий день, когда Маня была в детском саду, случилось чудо. Она нашла на полу листочек, на котором простыми цветными карандашами были нарисованы ослепительно-красивые цветы. Колокольчики. У Мани захватило дыхание. Она смотрела на светло- и темно-голубые головки цветов, и ей казалось, что они легонько покачиваются под порывами ветра и тихо-тихо звенят. И тут ее озарило. Она возьмет этот листок себе, спрячет и принесет домой. И покажет маме. И скажет, что это она, Маня, так нарисовала! И тогда мама, конечно, даст ей краски и разрешит водить кисточкой по бумаге, и Маня снова создаст свой удивительный мир!

Так она и сделала. Сложила листочек вчетверо, положила в кармашек и вечером с гордостью раскрыла его перед мамой.

«Смотри! Это я, я нарисовала! Тебе нравится?» – и девочка с надеждой и ликованием заглянула маме в глаза.

Мама с недоумением разглядывала рисунок.

«Где ты это взяла? Что ты плетешь небылицы? Так я и поверила, что это ты», – фыркнула она насмешливо.

«Это я! Сегодня в детском саду! Тебе нравится?»

Мама строго поджала губы.

«Хорошо. Предположим, что я поверила. Если это и правда ты нарисовала, значит, сможешь и повторить. Бери свои карандаши, садись и рисуй. И чтобы было точь-в-точь. Точь-в-точь, как здесь. А не сможешь – тебе хуже. Терпеть не могу вранья!»

Сжавшись, Маня прошла в свой уголок. Она очень устала сегодня, ей хотелось просто поиграть. Но она послушно села за стол, взяла карандаши и стала очень-очень стараться. Терпеливо перерисовывала она вьющиеся линии цветов, пытаясь наполнить их цветом и жизнью, чтобы также зазвенели они на

ветру. Время тянулось очень медленно. Маня слышала, как тикают часы. В глазах все туманилось, рука с карандашом двигалась как во сне, и сердце сжималось от страха. Она очень старалась, но колокольчики выходили кривыми, и цвет у них был не ярким, а тусклым. Штрихи выходили грубыми и упрямо вылезали за контур. Маня терла и терла листочек резинкой, пока бумага не сморщивалась, и от резинки оставались грязные пятна. Маня трудилась, боясь остановиться, и терпеливо слюнявила кончики карандашей, чтобы сделать цвет поярче. Во рту оставался странный горько-кислый привкус грифеля. А потом снова вступала в работу резинка. И вот, когда на мятом листочке уже начала просвечивать дыра, мама неожиданно оказалась рядом и резко выдернула рисунок у нее из-под руки.

«Художник! – насмешливо произнесла мама. – Выпороть бы тебя за вранье! Но уже поздно. Соседи спят. Марш в постель! И чтоб я тебя не видела и не слышала! Лгунья».

Мама скомкала оба рисунка и отправила в мусорное ведро. А Маня быстро разделась и юркнула под одеяло. Она пыталась не заплакать, но слезы упрямо ползли по щекам. Мама выключила свет, и на стене заплясали страшные тени. Маня тихонько натянула одеяло на голову. Наступила полная тишина, только громко со скрипом тикали часы. Слезы текли и текли, и Маня чувствовала себя очень плохой, дурной, ей хотелось просить прощения, обнять маму, поцеловать ее и увидеть, что она простила ее и снова любит. Но мама спала, и нельзя было ее будить. Завтра, завтра Маня будет просить прощения, и обнимать, и целовать ее. Завтра, завтра…

Всхлипнув, Маня уткнулась носом в мокрый угол подушки и уснула. Она шла по полю из голубых колокольчиков. Цветы сияли под лучами солнца и мягкой волной покачивались на ветру, и нежно-нежно звенели. И тут появилась мама. Она шла сердитая и строгая, и била ремнем по колокольчикам. Цветы осыпались, нежный перезвон их затихал, сменяясь протяжным гулом.

«Нет! – горестно закричала Маня. – Мама, не бей! Я больше не буду!»

Но мама не слышала ее. Она шла, твердо поджав губы, и все хлестала и хлестала ремнем. И вскоре только стебельки качались на ветру. Солнце погасло. И Маня погрузилась в темноту.

ПОД СТОЛОМ

Маня мечтала о своей комнате. Конечно, лучше было бы жить во дворце. Вот когда она вырастет и станет королевой, так все и будет. А пока она мечтала о небольшой комнате, где сможет побыть одна. Там будут ее любимые игрушки, книжки со сказками и она сама.

Однажды, когда родители кричали и ссорились, Маня от страха залезла под стол и спряталась там. Стол был большой и одним концом упирался в стену. Края скатерти свешивались до самого пола. Было темно и безопасно. Никто и не заметил, что она там. И Мане это понравилось. Она сидела под столом и мечтала о своем королевском будущем. О том, как будет гулять в огромном саду, где всегда светло и тихо, и поют прекрасные птицы. О том, как возьмет золотой меч и поедет на верном коне сражаться с драконом, чтобы спасти маму, которую он украл. Дракон дыхнет на Маню огнем и серой, но она победит его! Золотой меч сверкает в ее руке, на голове сияет корона, и она – очень сильная, очень!

Маня улыбалась и кивала: да, так и будет! Так и будет.

Каждый раз, придя после школы домой, Маня незаметно скрывалась под столом. Она уже обустроила там свой маленький уголок – постелила на пол большое полотенце, добытое ею из шкафа, принесла туда все любимые игрушки и книжки, бумагу и карандаши. Там же хранился маленький фонарик, свет которого в вечерние часы создавал уют. Наконец-то у нее есть своя комната! И Маня была совершенно счастлива, укрывшись там и предаваясь фантазиям. Каждый раз она мечтала о

том, как спасает маму. И всегда сверкал в ее руке золотой меч. А она оставалась королевой, храброй и сильной. Маня настолько уходила в мир своих грез, что забывала о еде, да и вообще о том, где находится. Иногда, правда, она запасалась черным хлебом с солью и ела его, когда в мечтах ей следовало отдохнуть и набраться сил.

Вот и сейчас она с наслаждением грызла соленую горбушку, когда под столом вдруг посветлело. Кто-то приподнял скатерть. Затем появилась голова. Она уставилась на Маню покрасневшими глазами, а рот на голове открылся и дыхнул сигаретным дымом.

«Ого! Вот ты где!» – усмехнулся отец.

Затем скатерть опустилась, но не успела Маня вздохнуть, как отец рухнул на четвереньки и заполз к ней под стол.

«Вот ты где обитаешь!» – протянул отец и вновь усмехнулся. Его лицо было багрово-красным, глаза затуманены, а изо рта тянуло смесью табака с кислым запахом алкоголя.

Маня застыла и настороженно смотрела на отца. А он подполз к ней поближе и улегся на полу, положив голову к ней на колени.

«Ох, Манька, Манька… Подожди, дай закурю… – он чиркнул спичкой, сделал затяжку и выдохнул едкий серый дым. – Любишь папку, Манька? – Девочка кивнула. – А? И пьяного любишь? – Маня с трудом сглотнула и кивнула. – Люби! И пьяного люби! Думаешь, чего я пью? – он выдохнул дым прямо ей в лицо и уставился немигающим взглядом. - А попробуй с твоей матерью пожить и не спиться. Понимаешь, да? Сука она, твоя мать. Ей только деньги нужны, деньги, – и он мрачно усмехнулся. – А я ей нафиг сдался. Ох, голова трещит! – он затушил сигарету об пол и снова улегся к ней на колени. – Погладь меня, Манька. Давай, погладь папку по голове, пожалей. Мать твоя меня не жалеет, сволочь! А ты жалей. Жалей!»

Тело Мани одеревенело, внутри все сжалось в тугой комок, и она едва могла пошевелить рукой, но она послушно гладила

его волосы, послушно кивала, послушно улыбалась. В эти минуты она представляла себе, как выбирается из-под стола, идет на кухню, выбирает самый острый нож, а потом возвращается и вонзает нож ему в грудь. И тогда они с мамой будут свободны! Но она продолжала гладить его черные слипшиеся волосы и кивать.

«Какие у тебя ручки нежные! – и отец принялся целовать ей ладони мокрыми губами. – Какая ты сладкая, Манька! Дурочка моя, ничего еще не понимаешь. Гладь меня, гладь! За мамку свою гладь, от нее ведь ласки не дождешься! Сука она, убить ее надо. Где вот сейчас шляется?! – его глаза бешено сверкнули и он уставился на девочку. – Знаешь, где она? – Маня испуганно замотала головой. – Ну и дура! Ладно, гладь давай, гладь. Ох, Манька! Ну давай иди сюда. – Он сгреб ее в охапку и прижал к себе. – Люблю я тебя, Манька. Хоть ты и дура, а люблю! Ну давай поцелуй папку. Целуй, целуй!»

Тело Мани было тяжелым и неживым. Но она послушно потянулась к нему, чтобы поцеловать.

Послышались шаги. Дверь открылась и кто-то вошел.

«Ну и кто здесь есть?» – раздался веселый мамин голос.

«А мы вот тут! – ответил отец и на четвереньках выполз из-под стола, – с Манькой играем!»

«Ну и хорошо! Поиграли и хватит. Садитесь-ка за стол, скоро есть будем!»

Маня лежала на полу под столом и ее трясло. С трудом она села и пустым взглядом уставилась в темноту. Под столом царили холод и мрак. Пробежал таракан.

«А ты чего? – заглянула под стол мама. – Вылезать-то будешь? Давай иди руки мой».

Маня кивнула и вылезла наружу. Улыбнулась маме, сходила вымыла руки – чисто-чисто. А потом они ели. Мама с папой то громко смеялись, то вдруг начинали орать друг на друга.

Шла обычная жизнь.

Ночью, когда все уже спали, Маня встала и вышла в длинный коридор. За другими дверями слышалось громкое дыхание и храп соседей по коммуналке. На кухне было тихо, но, когда Маня вошла, метнулась в сторону серая крысиная тень.

«Как в заколдованном замке, – подумала девочка. – А я – королева. И мне нужно, мне нужно...» Она прошла к столу, выдвинула ящичек, и в сумерках засеребрились вилки, ложки и ножи.

«Нож, – прошептала Маня. – Нож... – Она провела пальцами по лезвию и судорожно сглотнула. – Какой холодный...»

Она провела ножом по деревянному столу, оставляя на нем царапины. Потом положила его и, выйдя в коридор, надела пальто и открыла входную дверь. А потом вышла на улицу. Морозный воздух обжег ей щеки, а на небе застыл огромный шар луны.

Ей было всего восемь лет. Она шла по едва освещенной улице, не понимая – куда и зачем. Ей хотелось потеряться в лабиринте улиц, раствориться в этих ночных сумерках, растаять как сахар в чае.

Какие-то люди изредка проходили мимо нее. Потом она услышала злые крики, и на соседней улице началась драка. Маня поспешно свернула туда, где было тихо. Но там стоял возле подворотни какой-то старик в грязном мятом пальто. Увидев девочку, он направился к ней, шатаясь, и начал манить ее пальцем.

«Пойдем со мной, деточка, – пробормотал он. – Тебе будет хорошо, тепло. Я тебя согрею, лапочка».

Он пошатнулся, громко икнул и хотел взять Маню за руку, но она увернулась и побежала. Она всхлипывала и бежала обратно к дому. Черный липкий страх сковывал ее сердце и путал мысли. Задыхаясь, Маня влетела в подъезд, скользнула в дверь и вновь оказалась в коридоре своей коммуналки. Сняла пальто, вернулась в комнату и нырнула в свою постель. Дыхание ее прерывалось, она дрожала. В комнате стоял кислый запах ал-

коголя. Родители спали. Маня вылезла из кровати, подошла к спящей маме, встала на колени возле нее и тихонько неслышно поцеловала.

«Я спасу тебя, мамочка! Я спасу тебя!» – прошептала девочка.

Мама заворочалась во сне, потом повернулась к отцу и обняла его, уткнувшись лицом ему в спину.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

«*Вечер был, сверкали звезды, на дворе мороз трещал*», – пела бабушка, ласково похлопывая лежащую под одеялом Маню.

Теплый свет ночника окутывал сумеречную комнату, а добрый спокойный взгляд бабушки проникал в самое сердце Мани, в котором сквозь корочку льда и боли пробивались нежные ростки радости, словно крохотные фиалки.

«Шел по улице малютка, посинел и весь дрожал...»

Маня закрыла глаза, и ей представился заснеженный город. Она идет по обледенелой улице, мороз щиплет нос и щеки. И вот она входит во двор, идет к низкому окошку и заглядывает внутрь. И вдруг обнаруживает себя там, внутри, сидящей на диване. Она еще совсем маленькая. Сидит и смотрит, замерев от ужаса, как папа яростно налетает на маму, кричит ей что-то грубое и размахивает кулаками, и бьет ее. А мама отбивается и плачет. А потом у нее разбились очки, и стекла разлетелись по всему полу. И Маню охватывает такой стыд, что ей хочется кричать, но крик снежным комом застывает в груди. Как же мама теперь без очков? Ведь ей ничего не видно! И Маня начинает тихонько плакать от своей беспомощности. Она не знает, как помочь, как спасти, она такая маленькая и слабая, и поэтому маме плохо... И тут все затуманилось, метель бросила ей в лицо снежные хлопья, и она снова брела по заледенелой улице...

«*Боже, говорит малютка: я замерз и есть хочу.*

Кто ж накормит и согреет бедну-добру сироту?»

Голос бабушки звучал тихо, словно издалека. И Маня вспомнила, как в тот далекий вечер папа, наконец, ушел, а мама одела ее и повела на вокзал. Они шли по ночным пустынным улицам и плакали вместе, и слезы замерзали на щеках. И мама тогда удивленно спросила Маню:

«А ты-то чего плачешь?»

А потом они долго-долго ехали на поезде, и Маня смотрела в окно на огромный желтый диск луны, который плыл по зимнему небу. Перестук колес успокаивал, приносил забвение, как и бабушкино ласковое похлопывание.

«*Шла старушка той дорожкой, пожалела сироту*…»

Они ехали долго-долго. А потом приехали к бабушке. Маня никогда раньше не видела ее. Но мама сказала, что Маня теперь будет тут жить. Придет время, и тогда ее заберут обратно в город.

Мама уехала, и вначале Маня много плакала и скучала. А потом она стала погружаться в тепло и уют бабушкиного мира. И сердце потихоньку, капля за каплей, начало оттаивать. Нет, ничего не забылось, и всполохи воспоминаний порой резали сердце, словно ножом. Но все обволакивалось нежным дуновением доброты. И боль стихала.

«*Приютила и согрела, и поесть дала ему*...»

На улице бушевала метель, дули злые ветры. Но в душе девочки начиналась весна. Оттепель с первыми цветами, робко вылезающими из-под снега навстречу солнечному свету.

«*Спать в постельку уложила. Как тепло! – промолвил он.*

Закрыл глазки, улыбнулся. И заснул спокойным сном...»

Маня вздохнула и улыбнулась во сне.

ПОКА ЧЕЛОВЕЧЕСТВО – УГНЕТАЕМО ИЗВНЕ,
а его сознание – пожираемо,
оно не может сделать свободный выбор…

Если не все духовные традиции, существующие с древних времен, то, по крайней мере, большинство говорят о том, что либо при сотворении планеты, либо на ранних этапах ее развития произошла великая катастрофа, в результате чего на Землю просочилось Зло. Причем оно просочилось не в отдельные сегменты, а заполнило собой весь наш мир. Даниил Андреев называл зло «Семенем Эйцехори», именно им пронизано все живое на Земле. Имеет с этого «семени» свой «процент» существо, которое писатель назвал «Гагтунгр». Внедрение этого семени помогло Гагтунгру наладить непрерывный конвейер страданий на Земле. Энергия и потенциал, выделяющиеся людьми при этих страданиях, тем же писателем обозначено как «гаввах». И многие существа, рангом пониже Гагтунгра, вовлечены в сбор гавваха и им же питаются.

Тут, наверное, можно вспомнить, что христианство примерно так же говорит о Сатане и служащих ему бесах, подталкивающих человека к негативным поступкам и ситуациям, которые, согласно неким общекосмическим правилам, влекут за собой наказание. А в следствие этого провинившегося человека становится возможно безнаказанно мучить, получая тем самым у

него гаввах. К слову, этой темы касались и многие близкие нам по времени эзотерические писатели: Кастанеда писал о «летунах», которые прикрепляются к каждому человеку от рождения, и к возрасту взросления индивидуума обгладывают его изначальный яйцеобразный кокон до состояния яблочного огрызка, оставляя ему энергии осознавания столько, чтобы тот мог выжить. На сострадание, творчество, изучение мира и т. д. – у человека уже нет ни витальной, ни ментальной энергии. Т. е. он изначально не может выйти за рамки своей обыденной жизни, потому что его сознание объедено. Если же вернуть человеку естественную наполненность его кокона – он увидит мир иным и будет поступать по-другому.

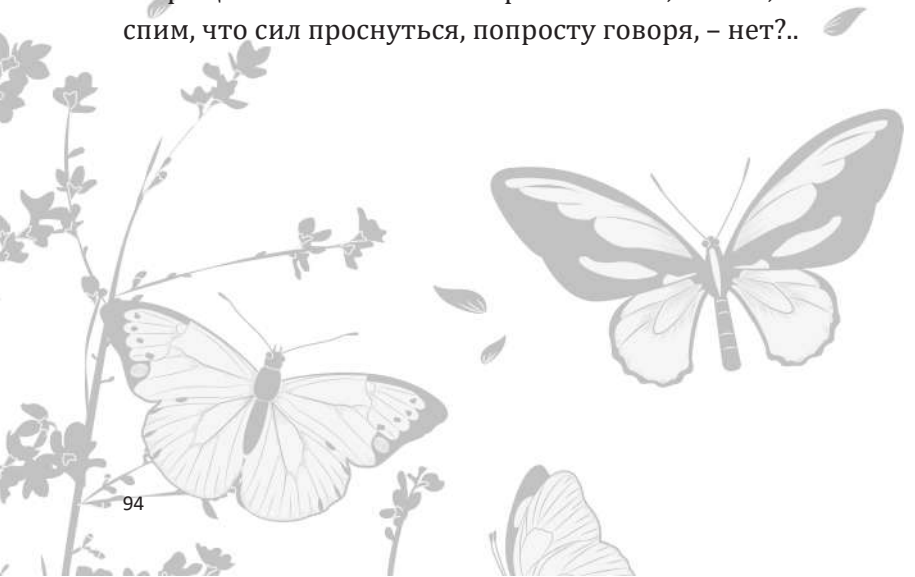
А теперь представьте ситуацию, когда такого человека с коконом-»огрызком» постоянно накачивают высокочастотными энергиями. «Летуны» при этом сильно рады. У них – царские обеды: сколько человека не накачивай – столько они будут его объедать. Получается как в печальном анекдоте про подстреленного лося: «пью и пью, а все хуже и хуже». Так стоит ли в такой ситуации удивляться, что человек, в которого снаружи вкладывается немало высокочастотной энергии, не продвигается в своем развитии, ведь потребляет эту энергию не он сам, а те, для кого он – «обед».

Похожая ситуация описана и в одной из книг Роберта Монро, известного своей трилогией о путешествиях вне тела. Он

спросил у одного из высокоразвитых космических существ, как и ради чего созданы Земля и человек, и получил ответ, что Земля была основана как фермерское угодье, на котором должен был изготавливаться продукт под условным названием «хмель». И что главный фермер Земли работал над изменениями видов на планете в том направлении, чтобы «хмель» здесь был наиболее качественным, чистым и в каком-то смысле высокочастотным, т. к. «хмель», вырабатываемый динозаврами в битвах друг с другом, не шел ни в какое сравнение с «хмелем», который, к примеру, выделяла женщина, потерявшая детей…

Кстати, древняя мудрость, которую разделяют и иудеи, и христиане, та, что самая большая победа Дьявола состоит в том, что многие в него не верят: пока мы находимся в благодушии и неверии по отношению к нему – он делает свое черное дело. И это мнение разделяли умнейшие и светлейшие люди многих времен и народов. Неужели они так глубоко заблуждались?..

Говорят: если человек спит и ничего не выбирает, никто не запрещает питаться его энергиями. Так, может, мы потому и спим, что сил проснуться, попросту говоря, – нет?..



Всё покупается и продаётся,
И жизнь откровенно над нами смеётся.
Мы негодуем, мы возмущаемся,
Но продаёмся и покупаемся.

Омар Хайям

Ханох ДАШЕВСКИЙ

ЕВРЕЙСКАЯ САГА

(отрывки из романа)

***

Легковая машина двигалась по узкой и пустынной лесной дороге, и Мара с тревогой поглядывала в окно. И не только она. Нервничал водитель. Несколько минут тому назад он чуть было не съехал в кювет. Но больше всех беспокоился сержант-энкаведист. С неприязнью поглядывал он на Пи́нхуса, из-за которого они оказались одни среди леса. Машина следовала в Валку, где уже находились ответственные партийные работники, но Пинхусу обязательно нужно было заехать в Цесис и взять дополнительную партию документов. Только поэтому они отклонились от маршрута и очутились на проселочной дороге. Пинхус полагался на шофера, но тот – красноармеец, русский парень – не знал как выехать из незнакомого латвийского города. Следовало вернуться в горком и уточнить направление, однако Пинхус не хотел терять время и окликнул местного жителя. Последний с готовностью указал дорогу, походившую, скорее, на лесную просеку, и не было никакой уверенности, что она приведет их в Валмиеру, через которую лежал путь на Валку*. Внезапно машина остановилась.

– В чем дело? – резко спросил Пинхус.

– Заблудились, товарищ Цвиллинг. Возвращаться надо, – сказал водитель.

– Он прав, – поддержал водителя сержант, – этот гад нас специально сюда послал. Дальше ехать нельзя.

Пинхус и сам понимал, что водитель прав. Он уже хотел дать команду развернуться, когда на дороге появился крестьянин,

* Город на границе Латвии и Эстонии, где с 28.6. по 4.7. 1941 г. находились руководящие органы Латвийской ССР.

рядом с собой кативший велосипед. Увидев машину и военных, крестьянин подошел ближе.

– Куда направляетесь, товарищи? – полюбопытствовал он, выражая явное желание помочь.

– Нам в Валмиеру надо, – ответил Пинхус. – По этой дороге доберемся?

– Доберетесь, – заверил крестьянин. – Не смотрите, что это лесная дорога. Километров через пять она в шоссе упрется. А там, на шоссе, направо. Да не глядите вы так! Я – Август Муйжниек, секретарь волостного совета. А это, – он показал на подходившего к ним светловолосого парня в длинном плаще, – командир истребительного отряда Зи́гис.

– А где ваш отряд?

– Да рядом, – улыбнулся Зигис. – Скоро увидите. Мы тут сосредоточились, чтобы лес прочесать. Говорят, бандиты неподалеку. Может, вас проводить? Я дам двух бойцов.

– Места в машине нет. А за предложение – спасибо.

– Ну тогда – счастливого пути! – продолжая улыбаться, напутствовал Зигис.

Пинхус даже себе не мог объяснить, что ему не понравилось в Зигисе. Потребовать документы? Но парень явно не один. А если это не истребительный отряд, а банда? «Скоро увидите»… Неужели они попали в засаду?

Сделав прощальный жест, Зигис и Муйжниек отошли от машины.

– Разворачивайся! – приказал шоферу Пинхус. – Быстро, как только можешь!

Последние слова были лишними. То, что надо разворачиваться, водитель понял раньше Пинхуса, но времени уже не оставалось. Раздался свист, и с двух сторон, сзади и спереди автомобиля, на дорогу выскочили те, кого Зигис называл истребителями. Многие из них были в латвийской военной и

* Члены военизированного национального ополчения, распущенного с установлением советской власти в Латвии в 1940 г.

полицейской форме и в униформе айзсаргов*. Пули, выпущенные из автомата, прошили шофера, и он упал головой на руль. Хватая левой рукой ППШ, а правой открывая дверь, сержант выкатился наружу и залег у машины, стреляя короткими, отрывистыми очередями в подбегающих латышей. С другой стороны стрелял Пинхус. Воспользовавшись тем, что нападавшие тоже залегли, Мара, прикрывая своим телом Розу, сумела выползти из машины и спрятаться вместе с дочкой в придорожном овраге. Но неравный бой продолжался недолго. Первым погиб сержант. Пинхус понял это, когда позади него прекратилась стрельба. Ему самому оставалось жить несколько минут, и за это время он успел уложить двоих, пока подкравшийся сзади айзсарг не убил его выстрелом в затылок. Мара заставила Розу закрыть глаза, а сама видела все. Спустя короткое время ее и дочь выволокли из оврага. К ним подошел Зигис. Сняв плащ, он остался в офицерском мундире.

– Какие потери? – спросил Зигис у кого-то.

– Трое убитых, четверо раненых, господин лейтенант!

– Проклятье! А этот, похоже, еврей, – лейтенант пошевелил носком сапога труп Пинхуса и повернул к Маре открытое, совсем не злое лицо. – Ваш муж, мадам, – то ли спрашивая, то ли утверждая, произнес он.

Мара молчала.

– Сначала мы с тобой позабавимся. Но насиловать будем не тебя, а советскую власть, которую жиды привели к нам в Латвию, – довольный удачным сравнением, Зигис захохотал. – Только я не хочу, чтобы твоя дочь это видела. Ла́ймонис, позаботься о ребенке.

Подошедший Лаймонис, не говоря ни слова, оторвал Розу от матери и, проткнув штыком, поднял ее над головой. Пройдя несколько шагов и неся девочку на штыке, как знамя, он сбросил ее в канаву.

Мара стояла, оцепенев. Она умерла еще в тот момент, когда убили Пинхуса, но на землю упала лишь тогда, когда лейтенант навалился на нее всем телом, раздирая наглухо застегну-

тое летнее пальто. Она не чувствовала боли, у нее больше не было никаких ощущений, и она не отбивалась, потому что ей обязательно нужно было просунуть руку в боковой карман. И когда ей удалось это сделать, она выхватила медицинский стилет, который положила на всякий случай в карман перед отъездом, и точным движением профессиональной медсестры – последним в жизни движением – воткнула длинное острие прямо в печень Зигиса…

***

Первого июля, не сумев взять правобережную часть Риги лобовым ударом и совершив удачный обход с юго-востока, немецкие войска вступали в город. Толпы народа: мужчины, часть из них в форме айзсаргов с дубовыми листьями в петлицах, и женщины в национальных костюмах – приветствовали освободителей. Звучали народные мелодии, латышские флаги и немецкие знамена со свастикой развевались вокруг. В этот день звонили колокола, по-особому светило полуденное солнце, и казалось, что горячие, не столь уж частые для этих мест лучи тоже вливаются в царящую на улицах радость. Но если латыши, полные ожидания и надежды на восстановление Латвии, выходили из домов, наслаждаясь праздничной обстановкой и тишиной, наступившей после недельной канонады, то для евреев не было большего риска, чем показаться на улицах города: опасность подстерегала всюду. И все-таки Гольдштейн решился. По мнению доктора, безукоризненный немецкий язык и нетипичная внешность должны были гарантировать, что с ним ничего не случится.

Он еще не понял, что, начиная с этого дня, постоянной спутницей еврея становится смерть, что она подстерегает его у самого дома. Проходя через центр города, Залман видел соплеменников, которых латыши при полном одобрении и гоготе немцев вытаскивали из очередей, стоявших у продовольственных магазинов, и заставляли подметать улицы. Группа еврейских женщин и детей чистила немецким офицерам сапоги. А

неподалеку тем же самым занимался старый пациент Гольдштейна́ и давний партнер по игре в покер господин Майзель. Его жена-латышка стояла в стороне. По ее щекам текли слезы. Увидев доктора, она еле уловимым жестом показала, чтобы тот не останавливался. Но главное событие дня ожидало Гольдштейна дальше. Пройдя по Бри́вибас* в сторону центра и дойдя до улицы Дзи́рнаву, Залман увидел, как два молодых вооруженных латыша в форме айзсаргов волокут окровавленного человека, потому что передвигаться самостоятельно несчастный не мог. Толпа раздалась, и парни втащили свою жертву в круг, бросив ее на тротуар чуть ли не к ногам стоявших в окружении ликовавших рижан немецких офицеров. Один из них отскочил: видимо, кровь попала на начищенный сапог – и что-то резко сказал айзсаргу. Гольдштейн ожидал продолжения. Он ждал, что немцы, за отсутствием других представителей власти, немедленно прекратят самосуд, но ничего похожего не произошло. Другой офицер обратился к айзсаргам, и они, не мешкая, прикладами добили то, что еще оставалось от Бернарда Шимоно́вича, элегантного владельца парикмахерской, давнего знакомого и пациента Гольдштейна, которого врач узнал по плащу: такой модный светло-коричневый летний плащ был только у Шимоновича. И пока латыши делали свое дело, немцы смеялись и фотографировали, а когда все было кончено, кто-то запел: «Боже, благослови Латвию!» – и подхваченные толпой звуки латышского гимна увенчали расправу.

Потрясенный Залман прислонился к стене, не в силах двинуться дальше. Он спрашивал себя, как Шимонович оказался в такой день на улице, почему он вышел из дома, забыв о том, что его самого понесло в город непонятно зачем. А может, парикмахера вытащили из квартиры? Скорее всего, нет, ведь он был в плаще. Значит, Шимонович, как всегда, пошел в свою парикмахерскую и его схватили, опознав в нем еврея. Голь-

* Улица Свободы – главная улица Риги.

дштейн прикрыл глаза. Он уже успел создать в воображении образ несущей порядок немецкой армии, и сейчас реальная, а не воображаемая действительность смотрела ему в лицо. И все же он в своих метаниях от отчаяния к надежде продолжал убеждать себя, что это война, а на войне возможны эксцессы. Он доказывал себе, что армию тоже накачали пропагандой, но придет уполномоченная восстановить порядок администрация, и все изменится. Несмотря на то что он собственными глазами видел изуродованное тело Бернарда Шимоновича, доктор все еще продолжал пребывать в мире иллюзий. Он не осознавал в каком опасном положении оказался, подпирая стену на глазах у разгоряченной кровью толпы. Наконец, еле оторвавшись от гладкого камня, доктор повернул налево и кружным путем вернулся домой, еще окончательно не понимая, что нужно благодарить судьбу за то, что никто не тронул его в этот страшный для евреев день.

Наутро, убедившись, что жена спит, и объяснив дочери, что́ надо делать, если матери станет плохо, Гольдштейн вышел на улицу Ста́бу. Он решил идти через длинный проходной двор, соединявший улицы Стабу и Гертрудинскую. Если пройти через двор – амбулатория рядом. Он иногда пользовался этим проходом, когда спешил. Интересно, есть ли кто-нибудь на работе? Если не доктор Подниекс, может быть, сестра Рута пришла? Мара – вот кого ему действительно не хватает! И всегда не будет хватать. Добрались ли они? Залман никак не мог забыть, каким было лицо Мары, когда она пришла попрощаться, но старался отгонять плохие мысли.

Доктору повезло: в проходном дворе никого не было, и через несколько минут, подойдя ко входу в амбулаторию, он уже вставлял ключ в замочную скважину. Но ключ не подходил. Ничего не понимая, Залман продолжал напрасные попытки, не думая о том, что если его увидят за такого рода занятием и опознают в нем еврея, то участь бедного Шимоновича ему обеспечена. Он все еще не понимал, что кто-то сменил замок, и не-

известно, чем бы это закончилось, если бы дверь не раскрылась, и на пороге не появилась Рута.

– Что вам надо? – грубо спросила она.

Только сейчас Гольдштейн по-настоящему понял, как теряют дар речи: от неожиданности он не мог произнести ни слова.

Рута посмотрела на Залмана, и от ее холодного, брезгливого взгляда доктора охватил ужас.

– Рутиня! – послышался мужской голос изнутри. – Кто там?

– Гольдштейн.

– Пусть зайдет.

Рута посторонилась, пропуская Залмана, и бывший владелец и заведующий, стараясь взять себя в руки и не очень в этом преуспевая, вошел в свою клинику. Первое, что он увидел, был большой и пустой шкаф, где хранились медикаменты. Небольшая горка лекарств лежала на столе.

– Кто вам позволил отдать медикаменты русским? – тоном человека, облеченного правом решать судьбы других, спросил доктор Подниекс.

Залман хотел сказать, что он и не должен был ни у кого спрашивать позволения, но Подниекс не дал ему ответить.

– Это вредительский акт. Вы заслуживаете самой суровой кары. Вы – вредный элемент, Гольдштейн. Как, впрочем, вся ваша нация. – Насладившись произведенным эффектом, Подниекс прошел в кабинет Залмана и сел в его кресло: – А помните, как пару лет тому назад я вам говорил, что не удивлюсь, если через два-три года Гитлер будет здесь, только не всем от этого будет хорошо. Так и получилось. Вот вы, например, – стоите сейчас передо мной, и больше ничего здесь вашего нет! И никогда не было. Латвия – для латышей, господин Гольдштейн.

– И для меня Латвия не чужая. Я за нее воевал. Две медали имею.

– Поэтому я с вами разговариваю. Пока. И знаете что? Хочу у вас спросить. Почему вы только и делали, что присасывались к

земле, которая не ваша? Впивались в нее, размножались как бактерии. Потому что у вас нет своего государства? А вам это нужно? Если бы вы его по-настоящему захотели, оно бы давно у вас было. Но вы же трусы и торгаши, и будь у вас своя страна, вы бы продали и ее. Впрочем, какая теперь польза от дискуссий? Ведь с вами все кончено. Повезло вашей Маре: успела сбежать со своим коммунистом. Вы, Гольдштейн, ее пригрели, знали, что она – жена преступника. Жаль, что не удалось с вами раньше разобраться. А знаете, – продолжал, улыбаясь, Подниекс, – это я донес на вас в НКВД. Только не учел, что и там – еврейская банда! Тогда вам удалось выкрутиться, но сегодня вам никто не поможет. Теперь даже ваш бог не поможет вам. Кстати, Гольдштейн, а почему вы все-таки не уехали? Советы пришли? Но вы не очень-то и хотели. А ведь напрасно, напрасно вы не уехали. Ну все! Время разговоров прошло! Следовало бы позвать сюда наших людей и отправить вас в тюрьму, но я не стану этого делать. Все-таки мы проработали вместе много лет. Убирайтесь отсюда и как можно скорее! А это что? – Подниекс указал на большую сумку, стоявшую у стены. Это были лекарства, которые Залман принес из дома, когда советские офицеры опустошили амбулаторию.

– Медикаменты. Моя домашняя аптека.

– Она останется здесь.

– Но мне надо иметь дома хотя бы немного лекарств, доктор Подниекс. Я вас очень прошу.

– Что? Да вы совсем обнаглели! Ограбили нас и еще просите. Вон!

Гольдштейн хотел что-то сказать, но понял, что любое лишнее слово будет истолковано Подниексом не в его пользу. Он повернулся и пошел к выходу. Уже открывая дверь, услыхал голос Руты:

– Ты зачем отпустил жида, Густав?

Ответа доктор не расслышал.

Залман плохо помнил, как он дошел до дома. На него никто не обратил внимания, но доктор был так потрясен, что даже

не придал этому значения. Подниекс, Рута! Они были не просто его работниками и коллегами, они были его второй семьей, он относился к ним как к родным. Вот, значит, как! Латвия для латышей, а с ним, доктором Гольдштейном, который в девятнадцатом году на фронте латышских бойцов от смерти спасал, и потом стольким латышам помогал, с ним, значит, все кончено! Но Подниекс прав. Почему они не уехали? Потому что он, Залман, долго не хотел. А когда решился – времени не хватило, и корабль в Палестину ушел без них. Не в этом ли заключается страшная ирония, не так ли наказывает Бог? Доктор поймал себя на том, что стал думать о Боге, раньше он мало о нем думал.

Войдя в квартиру и не забыв помыть сразу же руки, Залман прошел в спальню. Дочери в комнате не было. Фира сидела у зеркала.

–Зяма, – голос жены казался чужим, в нем появились новые ноты. – Ты принес лекарства?

– Клиники больше нет. И медикаментов нет. И меня, доктора Гольдштейна, тоже нет, Фира.

– Что это значит?

– Это значит, что теперь хозяин – Подниекс, и это чудо, что я сейчас дома.

Фира не ответила, а может, и не расслышала, думая о своем.

– Зяма, – вновь заговорила она, – где сертификат?

– У меня в кабинете, – Залман не понял, почему жена об этом спрашивает, – а что?

– Если мы им покажем сертификат, может быть, нас отпустят в Палестину? Они не хотят здесь евреев, так пусть дадут нам уехать.

Залман подумал, что сходит с ума. Нет, это не он сумасшедший. Что-то случилось с Фирой. Как пришла к ней эта безумная мысль? Сейчас, когда евреи совершенно беззащитны и с ними можно делать все, – кто позволит им уехать?!

Доктор уже открыл рот, чтобы объяснить жене, что сертификат – это даже не соломинка, за которую могут ухватиться они, утопающие без всякой надежды на спасение. Но что-то ему помешало. Внезапно он подумал, что в словах Фиры есть смысл. У них имеется документ. У немцев всегда было серьезное отношение к документам. Залман слышал, что в свое время, после присоединения Австрии к Германии, некоторым австрийским евреям удалось уехать. Они имели на руках документы, где было указано, что то ли Америка, то ли Палестина, то ли кто-то еще готов их принять. Такой же документ есть у Гольдштейнов. Но к кому обращаться сейчас, на третий день оккупации? С кем говорить? Нет, надо ждать, пока начнут работать учреждения. Не то полиция, не то какая-то другая служба – кто-то же должен этим заниматься. Но долго ждать доктору не пришлось: в тот же день около пяти часов вечера раздался громкий звонок, сопровождаемый стуком в дверь. На пороге стоял немецкий офицер в сопровождении солдата. За ними вырисовывалась длинная фигура дворника Петериса. Повелевающим жестом приказав Гольдштейну посторониться, немцы вошли в прихожую. Петерис протиснулся за ними.

– Кто здесь живет? – спросил офицер, и, видя, что Петерис медлит с ответом, рявкнул: – Ну!

– Доктор Гольдштейн, господин офицер, – ответил, наконец, Петерис.

– Доктор? – немец повернулся к Гольдштейну и слегка улыбнулся. – Я тоже доктор. У вас большая квартира?

– Четыре комнаты и гостиная, господин офицер.

– Четыре? Очень хорошо. Мы разместимся у вас. Вы, конечно, не будете возражать?

Залман поспешил заверить немца, что будет рад разместить у себя доблестных германских воинов.

– У вас превосходный немецкий, доктор. Вы где учились?

– В Гейдельберге, господин офицер.

Офицер одобрительно кивнул и уже сделал движение вперед, но внезапно обернулся, словно вспомнив что-то:

– Вы ариец?

Гольдштейн отрицательно покачал головой. Он понял: нужно ждать самого худшего.

Офицер помолчал. Затем набросился на Петериса:

– Доннерветтер! Ты куда нас привел?!

Несчастный дворник только беззвучно открывал рот и вытирал пот со лба.

– Веди в другую квартиру!

Петерис и солдат выскочили на лестничную площадку. Офицер собирался последовать за ними, и в этот момент Залман решился. Он понимал, что у немца нет никакой проблемы расстегнуть кобуру, как нет проблемы немедленно выбросить его с женой и дочерью вон и занять их место. Но ему показалось, что этот офицер чем-то похож на тех немцев, которых он видел когда-то. Должно же в нем быть что-то человеческое.

– Господин офицер! У нас есть разрешение на въезд в Палестину. Вы хотите избавиться от евреев, но мы и сами готовы… Господин офицер, куда я могу сейчас обратиться? Мы… – Гольдштейн замолчал: рука немца заскользила вдоль френча с той стороны, где висел пистолет.

«Все!» – подумал Залман.

Но офицер достал из бокового кармана пачку сигарет, пристально посмотрел на доктора, видимо, поражаясь его наивности, и, чиркнув зажигалкой, ответил:

– Сожалею, коллега. Беспокоиться надо было раньше. А теперь у вас одна дорога, – и он показал пальцем вниз.

То, что в доме кончились продукты, выяснилось на следующий день. Марта больше не появлялась, и нужно было самому идти в магазин. Гольдштейн не был трусом, к тому же не каждый мог с первого взгляда распознать в нем еврея, и все же страх сковывал мышцы, и доктор двигался через силу. У большого продовольственного магазина на противоположной сто-

роне улицы уже с раннего утра толпилась очередь. Дальше был ещё один магазин, и Залман решил, что лучше пойти туда. Он хорошо знал владельца магазина, толстого, с круглым черепом, Я́зепа. Тот всегда держал для доктора самый лучший кофе. Да и народу на улице Стабу, где находился магазин, должно было быть поменьше.

Очереди у входа в магазин действительно не было. Зато внутри магазина она струилась как извилистая река. Какая-то женщина, которую Залман не знал, стояла за прилавком. Сам Язеп сидел у кассы и, когда Гольдштейн, открыв дверь, спустился на две ступеньки вниз, собираясь встать в очередь, хозяин поднял голову:

– Жидов не обслуживаем! Вон отсюда!

– Но мне совсем немного надо, – забормотал доктор, стыдясь и презирая самого себя, – мне…

– Ты что, еврей, не слыхал распоряжения германского командования – жидам продукты не отпускать? – выступил из очереди какой-то мужчина. – Может, прочистить тебе уши? Или кое-что еще? – добавил он под одобрительный смех окружающих. – А ну-ка, У́лдис, – обратился он к белобрысому юнцу, стоявшему с бидоном, – позови парней!

Залман понял, что если он немедленно не уйдет, то на него набросятся. Он поспешил к выходу и через несколько минут уже поднимался в свою квартиру, войдя в дом с черного хода. Положение было ужасным, но доктор все еще старался хоть за что-то ухватиться. Он заметил, что немцы пока мало вмешиваются в происходящее. Наверно, поэтому создается впечатление, что власть в руках латышей. Где же немецкий порядок? Гольдштейн сообразил, что ждет этого порядка, как спасения. Занятый своими мыслями, он не услышал легкого стука в дверь. Но настойчивый стук повторился. Это не могли быть бело-красно-повязочники*: те трезвонили бы в звонок и стучали прикладами. И все же прошло несколько минут, пока Зал-

* Цвета латвийского национального знамени.

ман открыл засов. На пороге стояла Зента, прижимая к груди пакет. Еще пару минут они молча смотрели друг на друга. Ничего не понимающий доктор даже не сообразил, что двери надо закрыть, чтобы их с Зентой никто не увидел. Молодая женщина сделала это сама. Ее рука коснулась руки Гольдштейна.

– Это для вас, Залман, – сказала Зента, протягивая пакет. – Язеп просил передать.

Но доктор все еще ничего не понимал. Какой Язеп? Бакалейщик? Но Язеп обругал и выгнал его.

– Он просил вам сказать, – продолжала Зента, – что ему перед вами стыдно, но у него не было выхода. Если бы он не выгнал вас, эти люди в очереди выгнали бы его самого. Вам нельзя к нему приходить. И, немного помолчав, добавила: – Я тоже была в магазине. Вы меня не видели.

– Зента… – только и мог произнести онемевший доктор.

– Вам не стоит выходить на улицу. Это опасно. Я буду вас навещать.

– А разве для вас не опасно? – спросил Залман, начав приходить в себя. – Увидят, что вы заходите в еврейскую квартиру…

– Опасно. Но не так, как для вас. Вас могут убить.

Оба старательно говорили друг другу «вы».

– И А́рвид считает, что вам надо помочь.

Арвидом звали доктора Балодиса.

– Мы оба были у Язепа. Муж меня одну не отпускает. Мы и к вам пришли вдвоем, только он остался на улице. Я пойду, Залман. Постараюсь вернуться дня через два.

Гольдштейн все еще был в шоке. Зента! Вот кому небезразлично, что с ними будет. Прощаясь, он поцеловал ей руку и заметил, что Зента на секунду, а может, и две, задержала под его губами свою ладонь.

Но и после ухода Зенты сюрпризы этого дня не закончились. Через некоторое время опять постучали. Решив, что это Зента почему-то вернулась, доктор открыл дверь и увидел свою служанку Марту.

– Здравствуйте, господин Залман, – Марта вела себя непривычно. Она никогда не была такой взволнованной и смущенной. – Петерис просил вам сказать, что он не хотел вести к вам этого немца. Немец сам показал на вашу квартиру. Извините его, доктор. Ему приказали, а что он мог сделать?

– Разве я не знаю вашего мужа? Он славный человек. Почему вы не приходите, Марта?

– Ох, господин доктор! – Марта поднесла к глазам край фартука. – Не могу я больше к вам приходить. Если Я́нцис об этом узнает – вас увезут в тюрьму. Янцис теперь на улице Ва́лдемара. В команде у какого-то А́райса. Сказал, что каждый латыш хоть одного еврея должен убить. А когда мой Петерис за метлу схватился, хотел сыночка проучить, так Янцис метлу сломал. Вот какие дела, доктор.

Закрыв за Мартой дверь, Гольдштейн вспомнил о лекарствах. Надо было через Зенту попросить у Балодиса. Фире плохо, а он… какой же он все-таки безответственный человек! А если Зента больше не придет?

Но Зента пришла, как и обещала. Она стала рассказывать о том, что происходит в городе. Синагоги горят, то здесь, то там убивают евреев. По ночам врываются в еврейские квартиры, вытаскивают людей из постели. Мужчин отбирают якобы для выполнения трудовой повинности, уводят куда-то и многих расстреливают. Насилуют женщин. Немцы почти не участвуют в этом. Все делают латыши.

Залман знал, что Зента под влиянием мужа стала верующей, и внезапно спросил:

– Где же Бог, Зента?

– Это Его решение, – убежденно ответила Зента. – Наш пастор сказал, что ничего нельзя сделать. Нужно молиться за несчастных детей Израиля.

– Но вы-то не только молитесь…

– А это мы с Арвидом так решили.

Зента говорила правду. Она только умолчала о том, что инициатива принадлежала ей.

Гольдштейн взял руку Зенты в свою.

– Все, что я могу, – это целовать вам руки.

Зента покраснела и поспешила протянуть доктору аптечку.

– Арвид передал. Почему вы не послушали его? Он рассказал мне, что советовал вам уехать.

Гольдштейн помнил этот разговор. Они встретились с Балодисом случайно, через несколько месяцев после того, как Арвид женился на Зенте. Залман чувствовал себя стесненно, хотя был уверен, что его бывшая медсестра ничего не рассказывала мужу. Перебросились, как бывает в таких случаях, несколькими ничего не значащими фразами, и Гольдштейн уже собирался откланяться, когда Балодис неожиданно сказал:

– Рад был вас увидеть, коллега. И все же предпочел бы больше с вами не встречаться.

«Знает! Все знает! – решил Залман. – Значит, Зента ему рассказала».

Но оказалось, что доктор Балодис имел в виду другое:

– Я, наверное, не так выразился. Простите. Я хотел сказать: не здесь, не на этих улицах.

– Но почему?

– Истощилось терпение Божье, – Балодис заговорил словами проповедей, – и грядет нечто ужасное. Когда земля и небо сойдутся, спасенья не будет. Бегите! Бегите, пока еще можно!

Как раз в это время Залман искал предлог отложить отъезд в Палестину. Слова Балодиса вызвали очередной приступ страха, но доктор уже научился загонять его обратно. Тогда он старался забыть об этой встрече, но теперь отдал бы все, чтобы вернуть время назад. Врываются в квартиры, уводят мужчин, насилуют, убивают. Так ведь и к ним могут прийти, и, может быть, это чудо, что не пришли до сих пор. Доктор не знал, что члены команды Арайса уже приходили, но дворнику Петерису удалось их убедить, что никого из иудейского племени в доме нет. Такое случалось нечасто: большинство рижских дворни-

ков выдавало евреев охотно – зачастую по собственной инициативе. О Гольдштейне знал Янцис, но он день и ночь находился в «резиденции» Арайса на Валдемара и в облавах пока не участвовал.

«Глупец! Самонадеянный глупец!» – в который раз думал о себе доктор. Хотел схитрить – и вот результат: Фира больна, Лия спряталась в комнате. И он сам дрожит от каждого звука в ожидании расправы.

Вечером того же дня медсестра Рута яростно что-то взбивала и терла в большой миске на деревянном столе своей маленькой кухни. Руту выводил из себя ее муж Фрицис, валявшийся на диване. И за что ей такое несчастье? Здоровый тридцатилетний мужик околачивается дома. Она, Рута, ни одного дня не была без работы, а Фрициса, как уволили перед войной из какой-то захудалой конторы, так он и сидит на ее шее. Но Советов больше нет, начинается новая жизнь, а ее муженек, похоже, не собирается занять в этой жизни подобающее место. Вот и сейчас – разлегся с газетой! Ничего, она ему покажет! Доктор Подниекс – вот настоящий мужчина! Только он женат и со своей Мирдзой никогда не разведется. Все лучшее достается этой мымре, а ей – только крохи!

Из комнаты послышались какие-то звуки. Рута прислушалась. Так и есть! Храпит, скотина! В то время, как каждый честный латыш очищает страну от заразы. А еврейское добро? Пока немцы не навели свой порядок, можно хорошо заработать…

В два прыжка Рута была у дивана. Фрицис действительно похрапывал, лежа на спине. На полу валялась газета. Рута схватила ее и уже собиралась отхлестать ею мужа по щекам, но тут увидела объявление. Она еще раз посмотрела на газету. Это был вчерашний номер «Тевии*».

---

* Газета «Отечество» – главный орган латвийских коллаборационистов.

** Члены запрещённой в довоенной Латвии крайне правой пронацистской организации «Пéрконкрустс» (Крест Перуна).

«Все национально мыслящие латыши, – гласил короткий текст, – перконкрустовцы**, студенты, айзсарги, офицеры и дру-гие, кто желает принять активное участие в очистке нашей земли от вредных элементов, могут обращаться к руководству команды безопасности по адресу Валдемара, 19 с 9.00 до 11.00 и с 17.00 до 19.00».

«Вот оно! – подумала Рута. – Как раз то, что надо. Ну теперь ты у меня не отвертишься!»

Можно было, конечно, осуществить первоначальный замысел и, надавав Фрицису пощечин, устроить скандал, но Рута решила, что, действуя по-хорошему, она добьется большего. В конце концов, существуют и другие методы.

– Фрицис! – ласково позвала она. – Фрич!

Фрицис открыл глаза.

– Спишь, милый? – проворковала Рута. – Просыпайся, скоро ужинать будем. А пока я хочу тебе кое-что показать.

И Рута присела на диван, позаботившись о том, чтобы ее домашний халат раскрылся выше колен.

Полусонный Фрицис моментально пришел в себя.

– Сейчас, дорогой. Подожди чуть-чуть, – произнесла Рута, проследив за взглядом мужа. – Посмотри вот это. Прочти объявление.

Фрицис вопросительно поднял глаза на жену.

– Прочти вслух, – повторила Рута. – Я думаю – это то, что тебе нужно, – сказала она, когда муж закончил чтение. – Обещай, что завтра утром пойдешь на Валдемара. А теперь – иди ко мне, милый…

На следующее утро Фрицис пошел по указанному адресу. В голове вертелись разные мысли. Он старался оправдать Руту. Конечно, она хочет им обоим добра. А кроме того, разве он не патриот? Служил в латвийской армии, был капралом…

В большом вестибюле находилось много людей, и пока Фрицис пытался разобраться, что к чему, его окликнул чей-то голос. Повернувшись, он увидел, что к нему, раскрыв объятия,

направляется старый друг и сослуживец по пехотному батальону Конрад Калейс. Когда Фрицис демобилизовался, Конрад остался в армии, дослужился до офицерского чина. И сейчас он был в латвийской офицерской форме.

– А я думаю, кто здесь крутится? А это, оказывается, старый пройдоха Фрич, – улыбаясь, сказал Конрад. – Хорошо, что ты к нам пришел.

– Куда мне обратиться, Конрад? – обрадованно спросил Фрицис.

– Считай, что ты уже обратился. Сейчас пойдешь туда, – Конрад показал вглубь коридора, – предпоследняя комната налево. Там тебя зачислят и все объяснят. Да, не забудь сказать, что тебя Конрад Калейс направил. Ну что? С поступлением в национальные силы! Отметим потом это дело.

Фрицис сделал несколько шагов в указанном направлении и вдруг, словно что-то вспомнив, догнал Калейса.

– А какая задача? Вредные элементы это кто? Коммунисты?

Конрад снисходительно посмотрел на приятеля.

– И коммунисты, конечно. Но главная наша задача, – Калейс пригнул кончик носа и, изображая горбоносого еврея, картаво проговорил, – хаимы, сары и все их отродье. Ну ты иди-иди! Потом встретимся.

Фрицис почувствовал, как его голова, такая ясная с утра, вдруг стала раскалываться от притока крови. Он бросил взгляд в ту сторону, куда ушел Конрад и, убедившись, что приятеля не видно, выскочил на улицу. Вот оно что! Так вот куда его отправила Рута! Но, может быть, она и сама не знала?

Он плохо помнил, как добрался домой. «И все их отродье» – это значит дети… Нет! Ни за что! С врагами он готов быть жестоким, но с детьми!.. И если Рута знала – он ей покажет!

Рута явилась к вечеру. Она хотела вернуться раньше, ей не терпелось узнать, как дела у мужа. Но доктор Подниекс закрыл после обеда клинику и два часа наслаждался обществом Руты, полностью вымотав свою медсестру. Еще час ушел у нее,

чтобы отдохнуть и привести себя в порядок: в таком виде нельзя было показаться дома. Не хватало только, чтобы Фрицис что-нибудь заподозрил.

– Фри-и-ч! – с порога пропела Рута. – Как дела, милый?

Ответа не последовало. Рута заглянула в комнату. Фрицис сидел в кресле, уставившись в стену.

– Как дела? Записался?

Не отвечая жене, Фрицис посмотрел ей прямо в глаза. Рута попятилась. Мягкий по характеру и уступчивый, муж был опасен в гневе.

– Ты знала, чем они занимаются?! Ты знала, что они убивают детей?!

«Господи! – подумала Рута. – Он же любит детей!» Муж хотел ребенка, однако, желая сохранить отношения с Подниексом, Рута беременеть не спешила.

– Но ведь это жидовские дети, – продолжая пятиться, не совсем уверенно пробормотала она.

Удар мужа сбил ее с ног. Очнулась Рута на диване.

– Потаскуха! – сказал Фрицис. – Я все знаю! Ты спишь со своим доктором.

В ЧЕМ СМЫСЛ ЖИЗНИ?..

Просто жить?.. Но в этом же должен быть какой-то смысл!.. А если задуматься, на Земле так много людей, не имеющих осознанных целей и не знающих, кто они такие и для чего живут. Но именно осознание важности этого вопроса и поиск ответа на него – как раз и есть тот фундамент, на котором базируется деятельность человека. Стать хозяином своей жизни или изменить её в лучшую сторону без этого невозможно.

У каждого человека, несомненно, есть свое место в этой жизни и свое предназначение. Распознать и найти их – для любого величайшее счастье. В древней Греции говорили, что смысл жизни в достижении «легкости сердца». Но при этом жизнь дается каждому из нас как великое напряжение, и оно всегда подразумевает преодоление. Смысл же данного – вместить в свое знание мир. И нет другого пути. Хотя процесс этот длительный и требует кропотливой работы в том числе по взращиванию в себе Духовной природы. Это и есть преодоление напряжения жизни.

Отсутствие же смысла жизни выполняет критическую роль. Ничто так не угнетает душу человека, как бессмысленность собственного существования. Бесцельная жизнь убивает. Если есть смысл в жизни, то человек сможет жить в любых, даже самых сложных условиях. Но какова эта цель?

Каждый человек смысл жизни усматривает в чём то своем: в богатстве или славе, стремлении к власти и в наслаждениях, в труде, любви и детях, в служении Богу, другим людям или же в творчестве… Но это лишь составные чего-то большего и служат, пожалуй, разве что средством для достижения какой-либо цели. Сделавшись же самоцелью, они заводят человека в тупик.

Ты скажешь, эта жизнь – одно мгновенье.
Ее цени, в ней черпай вдохновенье.
Как проведешь ее, так и пройдет.
Не забывай: она – твое творенье.

Омар Хайям

Ирина САПИР

ВЕТЕР

Замерли людные улицы.
Город молчит настороженно.
Окна растерянно щурятся
на фонари придорожные.
Пальмы, застыв ошарашено,
листья прогнули подковами.
Дышит на стены вчерашние
что-то мучительно новое.

Это подул непредвиденно
ветер нездешний, диковинный.
Смел с тротуаров обыденность,
пыль и песок. До оскомины
воздух насытил лавандовым
терпким эфиром. По толике
свежесть разнес по верандам и
зноем пропитанным дворикам.

Сладок как спелые ягоды
Бриз, прилетевший откуда-то.
Может, из ветреной Клайпеды,
Может, из горного Штутгарта.
Он ненадолго тут вроде бы.
Вряд ли воротится снова, но
в маленьком солнечном городе
все теперь будет по-новому.

ДОРОГА В ДОМ ДЕТСТВА

К той, которой я была...
Потихонечку. С опаской.
Обнажая догола
суть свою, снимая маски,

что года на облик мой
постепенно надевали.
Их снимаю по одной.
Шаг за шагом. По спирали.

К той меня, которой нет,
приближаюсь неотвратно.
И чреде минувших лет
я отсчет веду обратный.

Вдоль меня узнавших стен,
по булыжным тротуарам.
Двор – ни тени перемен!
Вверх по лестнице, по старым

по ступенькам. Та же дверь...
Не спешу звонить. Мне жутко...
Я, которая теперь,
так боюсь (тяну минутки!)

этой странной встречи – нас,
непохожих так и чуждых:
той, которая сейчас,
с той – из прошлого. Неужто

не найду что ей сказать?
Похвалиться есть причины.
Распакуем вместе кладь
пробежавших лет. И спину,

не держа прямой, прильну
я к плечу ее. Смиренно
окроплю свою вину
перед ней слезами. Стены

дома ветхого молчат
равнодушно и уныло.
Вдох глубокий. Шаг назад.
Вот рука моя застыла

над звонком. Смотрю кругом:
Как тоскливо и убого!
Постарел мой бывший дом!
Все!
    Звоню!
        Готова!
            С богом!

ВЕСНА

Какая лёгкость и свобода!
Какой разительный контраст
с минувшим мартом! Словно годы
с меня упали, как балласт.

А за спиной, похоже – крылья!
И каждый вдох – пьянящий эль!
Подняв клубы дорожной пыли,
влетел безудержно апрель

в притихший город и мгновенно
проник, впитался в каждый штрих
сюжетов уличных. Смиренно
я достаю блокнотик – стих

мне по вискам ударил с силой.
Я тоже, видимо, пьяна
от дрожи, что как ток пустила
по нервам города весна.

И, щурясь, я ловлю ладошкой
случайный лучик на стене
и улыбаюсь встречной кошке,
и не спешу… Так странно мне,

что просочилась непреложным
явленьем в душу мне весна,
ведь я давно и безнадёжно
дождливой осенью больна.

ИЮЛЬ

Скользнёт в окошко луч, когда я тюль
приподниму тихонечко, с опаской.
Вот это да! За окнами июль!
А я считала – зимний день январский!

А я была уверена, что там
метель вползает, ушлая, под ворот,
и лупит снег по тусклым фонарям,
и нет людей на улицах. И холод!

Но там – давно ромашки и сирень,
и мотыльки, и птицы, и улитки.
И кот соседский тщетно ищет тень –
весь мир пропитан солнцем, весь до нитки!

Как я посмела только пренебречь
тем, что давно ворвалось в город лето?!
Смешно, что я топлю в гостиной печь,
застряв на снежном перепутье где-то,

когда вокруг такая кутерьма
высоких трав и разноцветий ярких!
Зелёный плющ обвил ковром дома.
И воздух сладок от цветов. И жарко!

Всему виной – ажурный тюль-покров.
Его сама связала я искусно
из серой нити очень грустных слов
и черной нити мыслей очень грустных.

Сорву его с окна, пустив поток
тепла и в дом, и в сердце, и в сознанье.
И постараюсь выучить урок
как выбирать мне нити для вязания.

АПРЕЛЬ

Да, да! Опять апрель! Вы правы!
Мы дотянули до весны!
Нам не найти опять управы
на учащенный пульс и сны.

И снова мысли будоражит
шальной вопрос: «А может, вдруг?!»
Теряем зонтики и даже
мы забываем про утюг,

включенный дома. Заметая,
с метлой танцуем менуэт,
и соль всыпаем в чашку чая,
И, уходя, не гасим свет.

Вершим дурацкие поступки,
возводим из песка дворцы,
и в двух руках неся покупки,
мы улыбаемся! Глупцы!

Мы ищем новые приправы
к рутине дней: лаванда, хмель?
Вы, безусловно, друг мой, правы:
всему виной весна, апрель!

КАЛЕНДАРЬ

Цветенье дикой яблони зимой
смущает тех, кто входит в этот сад.
Еще лежит снегов пушистый слой,
еще весна не скрыла след утрат,

что учинил безжалостно январь.
Но, вопреки прозрачности ветвей
февральских яблонь, несмотря на хмарь
и на законы всех календарей,

она легко открыла лепестки,
и аромат цветков пробился сквозь
покровы зимней сумрачной тоски.
И хоть еще земля и солнце врозь,

она цветет. Секрет в луче одном,
что уронило солнце впопыхах.
И он, упав не в срок, не верным днем,
застрял в ее растрепанных ветвях.

Она цветением вспыхнула, и луч
остался с ней, вплетаясь в нее весной.
О полотне февральских снежных туч
забыли оба. В бездне временной

укрывшись от холодных, зимних дней,
зажгли светила нового янтарь,
и для весны безвременной своей
создали свой безумный календарь.

ЗА ЙОТУ ДО...

Пути назад взорвутся в миг, когда
земли коснутся брошенные камни.
И, затворяясь, гулко хлопнут ставни,
и разорвется стертая узда,

и ниспадут сожженные мосты,
так что немыслим даже шаг обратно.
Все предрешилось. Все уже понятно.
Судьба впиталась красками в холсты.

И никого уже не защитить,
когда свеча, сгорев дотла, погасла,
и пролилось уже на рельсы масло,
и натянулась до предела нить,

когда уже сокрыт в траве капкан,
когда в руке кружочек чёрной метки,
или петля уже свисает с ветки,
или разбит о край стола стакан...

И остаётся только падать ниц
перед Её Величеством Планидой,
сойти на дно смиренно Атлантидой,
стереть себя досрочно со страниц

дальнейших глав. И жутко тяжело
поверить в то, что ангел снисхожденья
за полушаг, за выдох от паденья
на нас возложит лёгкое крыло

и защитит за йоту до беды,
в момент уже летящего удара,
в луче внезапно ослепившей фары,
у кромки преградившей путь воды…

Шанс всё же есть! Пусть он сведён к нулю!
Пусть он так мал, что не заметен даже
на полотне печали цвета сажи.
Он есть! А значит – рано лезть в петлю.

Еще затушит дождь горящий мост,
и луч разгонит тень, скользнув по шторе,
сорвется ветка, разойдется море,
прольется краска свежая на холст,

капкан заклинит, лопнет тетива!..
В последний миг всё измениться может,
и торжество – мурашками по коже,
и сквозь пески – проросшая трава!

ПЕРЕМЕНЫ

Меня, встревожив неизбежностью,
норд-вест принёс воздушный шар.
Потоком ямбов приступ нежности
на лист пролился. Тротуар

свое ослабил притяжение,
я оттолкнулась от него,
и увлекло меня кружением
шальных снежинок Рождество.

Я шаль стянула и доверила
ветрам каскад своих волос,
и пригубила воздух северный,
и отпустила под откос

тревоги с горестными мыслями.
А снег всё шёл, стирая след.
И я в минувший день бессмысленный
сожгла мосты, их больше нет.

ЧТО ЖЕ МЫ ТАКОЕ?

Каждый с детства мечтает кем-то стать: врачом, космонавтом, волшебником… да кем угодно, но только не самим собой. А ведь стремиться нужно к себе и осознанной жизни. Разумеется, адекватно оценивать себя сложно, все закреплено на уровне автоматизма мышления, и, чтобы разглядеть себя, нам необходимо зеркало. Но все просто. Зеркало – это окружающие нас люди. Они довольно точно отражают внутренний наш мир.

Да! Надо брать под контроль свою низшую природу и, раскрывая центры сознания, перемещать свою точку сборки в Духовное тело. Ведь счастье пребывает в Духовном состоянии сознания, а не в каком-то еще. Остановитесь на мгновение, попробуйте осознать себя и то, что вовне, а затем – как вы с этим сопоставимы.

Так что же мы такое?

Мы в большинстве своем обладаем бессмертной Душой, а значит, бесконечны во времени. В этом мире всё непрестанно меняется. Главное свойство мира – движение. И движение это всегда целенаправленное. В своем движении мир стремится к совершенству. Жизнь есть развитие. В живой природе идет непрерывный процесс усложнения организации. Всё развивается от простого к сложному. Человек разумен, и именно пото-

му он непременно должен трансформироваться во что-то еще более совершенное. Что для этого необходимо? Прежде всего, развитие Души. Это и есть как раз то направление, в котором человеку предстоит двигаться. А значит, помимо биологического прогресса, являющегося первоочередным «смыслом» растительных и животных форм, человеку предстоит еще и прогресс духовный. Развитие Души доминирует в человеческой программе, и именно оно является для всех нас смыслом и целью. Мы сами есть путь! Ну а плюс к тому современная метафизика вносит в сказанное выше свое добавление: смысл жизни человека на Земле – повысить вибрации. Изменение энергии хотя бы отчасти ведет к изменению энергии целого. Мы, повышая свои вибрации, выходя на высокочастотный, чистый уровень, повышаем в том числе и качество энергии во Вселенной.

Карина МУЛЯР

ДЕЖАВЮ

Все уже однажды было. Мы просто не всегда это осознавали.

Ходили по миру как инопланетяне, узнавая знакомые места с незнакомыми людьми.

Родные города заполнялись чужими лицами.

Мы сливались с Вечностью или терялись в ней...

Свадьба. Вернее, вечер на котором отмечалось двадцатилетие совместной жизни.

Верола постаралась все повторить. Тот же ресторан, та же музыка, танцуют те же люди, только постаревшие на двадцать лет, то же платье невесты, как ни странно, смотрелось как новое. Ох уж этот вечно модный бархат.

Тогда, двадцать лет назад, прямо на свадьбе, исчез друг жениха.

Его искали абсолютно все, но он просто исчез, растворился.

Это было очень странно, поскольку к Вероле он, вроде, не испытывал никаких чувств, более того, создавалось впечатление, что она ему неприятна.

Ночной клуб. Стриптиз. Дым от сигарет, музыка. Она улыбается, а в глазах напряжение и тоска.

Люди в темноте, как обычно, ищут друг друга..

– Может, ты моя половинка?

– Нет. не я, но мы уйдем вместе.

Они тянутся один к другому в пьяном полумраке.

Поцелуй...

Еще один...

Объятия...

– Господи! Как противно. Это опять не он.

Верола послушно идет за мужчиной.

Дома у нее царит полный бардак.

Небрежным жестом она приглашает мужчину сесть.

Начинает раздеваться.

Дальше туман. Все, как обычно, во сне.

Его противные усы чуть касаются ее лица, потные руки что-то нервно ищут на теле.

В голове путаются мысли.

«Зачем я с ним?

Это опять не мой человек.

Мне много лет, скоро вообще буду никому не нужна».

Утро.

Он щедро отсчитывает хрустящие купюры. Слащаво улыбаясь, предлагает встретиться еще.

Она согласно кивает, беззаботно улыбаясь.

В глазах напряженность и тоска.

У него нет ни желания, ни времени смотреть ей в глаза. Он доволен жизнью.

Плохо только ей. Ведь она так почти каждую ночь.

Ночной клуб. Стриптиз.

Дым от сигарет, музыка и ее человек, который снова ушел с другой.

Потом случайный посетитель, друг ее человека ,и свадьба.

Смешная, нелепая свадьба в бархатном платье.

Я пригласила его, а он исчез прямо со свадьбы, исчез на двадцать лет.

Вечер. Ресторан.

Свадьба, вернее, годовщина.

Верола в том же бархатном платье. Жених очень мало похож на себя, просто пожилой дядька.

Постаревшие гости, с трудом двигая ногами, пытаются танцевать под ту же музыку.

Та же музыка, те же люди. Опять нет его.

Хотя нет. Он все-таки пришел. Вернее его привезли.

Стеклянные глаза, застывшая безумная улыбка.

Верола подбежала к нему и схватила как тогда – за руку.

Он даже не шелохнулся, продолжая смотреть в пространство.

– Ты узнаешь меня? Ты должен меня узнать, – беззвучно кричала Верола, продолжая сжимать его руку. – Я ждала тебя всю жизнь, а ты уходил с другой, – Верола трясла его застывшее тело в инвалидной коляске. – Узнай меня. Я ненавижу тебя, слышишь?! Не-на-вижу.

Ночной клуб. Стриптиз.

Дым от сигарет. Музыка.

Люди в темноте ищут друг друга...

По бесчувственному лицу потекли слезы.

Слышал ли он? Понимал ли о чем она молча кричала?

Верола взяла салфетку и вытерла эти непонятно откуда взявшиеся слезы. Он продолжал смотреть в пространство, ни на что не реагируя.

– Ты опять ушел с другой, – прошептала Верола.

Ночной клуб?

А может, ресторан?

Стриптиз?

Нет. Свадьба...

Как найти в темноте свою половинку?..

Поцелуй.

Еще поцелуй.

Объятия.

Нет. Это опять не он...

Де-жа-вю...

ПИСЬМО В ПРОШЛОЕ

Все началось в 2009 году, когда британский журналист Джозеф Гальяно написал письмо самому себе – тому парню, которым он был в 16 лет. Это послание прочли читатели журнала GT, где Джозеф в то время работал. Из простой идеи родилась книга писем известных людей, предисловие к которой написал сэр Элтон Джон. Называлась она Dear Me: a Letter to My Sixteen-Year-Old Self – «Дорогой я: письмо шестнадцатилетнему себе».

Дальше произошло удивительное: книга вызвала целый поток писем – их писали себе блогеры, восхитившиеся идеей разговора с юным собой. Затем случилась и новая книга – вступительное слово к ней написала Джоан К. Роулинг, а знаменитых авторов (среди которых Стивен Кинг, Джиллиан Андерсон, Элис Купер и другие) стало уже 75 человек.

Наши авторы не претендуют на звездность или широкую популярность, но при этом и у нас появилось желание поговорить с самими собой. А раз так, то мы дополнили эту книгу отдельной рубрикой. Нам кажется, что такой раздел в полной мере соответствует идее самого издания – преображение как оно было, есть и будет…

По идее, разговор с собой необходим любому человеку, не обязательно писателю, ведь так мы лучше понимаем, что происходило или происходит с нами и вокруг нас. Внутренний диалог важен для приведения мыслей в порядок. И незаменим для принятия продуманных решений. Но с письмом все обсто-

ит еще более куда интереснее: тут нет надобности подыскивать нужные слова или долго ждать ответа – вместо этого можно просто излагать мысли. Послание самому себе не сводится к анализу или расчету. В нем имеют значение чувства. А это дает ощущение принятия – мы оказываемся в мире, где нас понимают: слова, которые пишем в свое прошлое, это именно та поддержка, что нам была нужна тогда и которая, будем честны с собой, необходима нам и сейчас (иначе зачем бы мы брались за перо?). Поддержка, одобрение, совет человека, по-настоящему знающего, что говорит, – вот что мы гарантированно получаем, когда пишем такое письмо. Кроме того, погружаясь в воспоминания, мы словно бы заряжаемся энергией, которая бурлила в нас ранее. А написав его и читая признания других, мы вдруг обнаруживаем, что не одиноки, у нас есть общие темы, знакомые ситуации, созвучные эмоции и переживания. Находя их, мы ощущаем радость узнавания – ведь, по идее, у нас, таких новых сегодня, всё те же схожие проблемы, а письмо плюс к тому – еще один дополнительный повод для нового знакомства, открытого и искреннего общения. А еще – прилив энергии. Не без этого. Такое письмо дает возможность почувствовать задор, страсть и риск, пропустив весь этот юношеский коктейль через взрослую логику, опыт и принципы. В результате можно открыть в себе в том числе новые ресурсы.

Ну а в качестве заключения пожелаем и вам, дорогие читатели: «Пишите себе письма и будьте счастливы!»

Максим САФИУЛИН

РАЗГОВОР С ДЕТСТВОМ

Здравствуй, мальчик! Тебе лишь 11 лет.
Я не прав? А, 12 почти?
У тебя будет много потерь и побед,
Столько нового ждёт на пути…

Твои мама и бабушка живы пока,
Жив твой пёс, что пока что щенок.
Всё исполнится скоро и наверняка,
Только нужно стараться, сынок.

Не гневись, что тебя не пустили гулять –
Столько трудностей в мире иных…
Нужно в жизни уметь отпускать и прощать,
И беречь от обиды родных.

Много будет потерь и ошибок в судьбе,
Но наступит иной поворот.
Пусть характер и стать помогают тебе
Добиваться огромных высот,

Твой улыбчивый, добрый, доверчивый взгляд
И горячее сердце внутри!
Я-то помню, как ты 25 лет назад
Вышел петь в первый раз «Снегири».

Что за счастье – на сцену идти выступать –
Путь на сцену совсем не далёк.
Ты продолжишь свой путь – будешь петь и играть,
Только нужно работать, сынок.

Есть на облаке Бог – он тебе и судья,
И помощник от злой суеты…
Нам проститься пора… Ты вот спросишь: кто я?
Я – твой тёзка. Такой же, как ты.

Что ж, беги, ну а мне, знать, пора отдохнуть…
Пять минут… столько дел впереди.
Не серчай на врагов и друзей не забудь!
Ты запомнил? Ну ладно, иди…

Ольга ФОКИНА

ДЕВОЧКА

Здравствуй, девочка с короткой стрижечкой,
Та, что смотрит сквозь призму очков,
Засыпая с охапкой книжечек
И смотря на мир с облачков.
Вдаль бегущая и наивная,
Боль тасует колоду дней.
Жизнь промчится дорогой дивною,
Истоскуешься ты по ней.
Утро раннее – яркой радугой,
День, как солнышко, вечер – тих…
Ночь грядёт – торопить не надо бы…
Придержать бы коней шальных…
Не спешить туда, где никто не ждёт.
И не биться в дверь головой.
И не ждать чудес, будто бы вот-вот
Всё случится само собой.
Не прощаешь жизнь, боль хранишь внутри.
Только я – отраженье твоё.
Подойди скорей и в глаза смотри,
Руку дай и пойдём вдвоём.
Отпускаем боль и прощаем жизнь –
Видно, это годам под стать.
Вместо ручки вдруг станешь сердце грызть,
Заставляя себя страдать, –
Перейдёт твой страх в силу, мужество,
И обиды сойдут на нет.

И развеется всё ненужное,
Будет столько в пути побед.
Вот смотрю назад, на ту девочку,
Что боялась свой сделать шаг.
А пред мной стоит моя деточка,
Ей ещё предстоит размах.
Не подам я ей своего крыла –
Делать всё предстоит самой,
Чтоб она сама счастье обрела,
Стала сильной, добрей душой,
Научилась жить и людей прощать,
Мир вокруг любить как родной.
Как ни больно мне было б отпускать,
Путь у каждого, девочка, свой.

Надежда ВОЛЫНКИНА

ЗДРАВСТВУЙ, МОЯ ДОРОГАЯ ДЕВОЧКА!

Не спрашиваю, как ты живёшь. Знаю. Разница между тобой и мной почти пятьдесят лет… И я про тебя знаю всё. Вот твои фотографии: какая же ты хорошенькая! А ты никогда не верила, тебе почему-то казались красавицами подружки. И ты, глупышка, маялась, бесконечно слушала Зинку, которая критиковала твои тонкие ноги и рыжие волосы… Да, мама говорила тебе, что ты очень даже симпатичная. Но это же мама, для мамы, само собой, ты лучше всех! А вот Зинка… И ты верила, что именно она тебе открывала горькую правду.

Никогда не слушай Зинок! Никогда! Ты представляешь себе, сейчас она совсем не кажется мне красавицей! Даже летом ходит в брюках, чтобы скрыть свои «идеальные» ноги. И ещё. Зина постоянно боится, что подруги уведут у неё мужа! Жаль её.

Скажи, Девочка, ты уже начала читать стихи Сергея Есенина? Ты влюбилась в его стихи и золотистые кудри? Вот-вот… Когда вырастешь, влюбишься… нет, не в Есенина, а в обычного, но очень похожего на русского поэта, парня. И он в тебя влюбится. Представляешь, сначала он обратит своё внимание на твою тонкую щиколотку, из-за которой ты столько переживала! А твои рыжие волосы вот уже скоро-скоро станут притягивать к себе восторженные взгляды юношей….

И ещё. Никогда не будь Зинкой! Никогда! Ибо всё возвращается к своему источнику. И хорошее, и плохое. Да что я говорю, ведь ты не была и никогда не станешь такой.

Ты уже начала срывать уроки? Перестала выполнять домашнее задание? Ладно, через два года твоя дурость пройдёт, сядешь плотно за учебники (ты же не глупая, в конце-то концов!) Скоро появятся у тебя и хорошие учителя, которым ты будешь благодарна. Эти учителя будут появляться в разное время, в разных ситуациях. Всю жизнь.

Жизнь твоя не всегда будет сладкой да гладкой. К этому известию сложно быть подготовленной. Но ты справишься. С честью выйдешь из всех непростых ситуаций. И всегда рядом будет тот, который обратил внимание на твою щиколотку. А вместе можно и горы сдвинуть!

Если бы тогда я получила это письмо, сколько ненужных эмоций, слёз, переживаний можно было избежать! Сколько можно было сберечь напрасно загубленных нервных клеток! Но ты знаешь – я не стала бы переписывать набело страницы моей жизни. Ибо всё – моё! Все грабли, на которые наступила, – мои, и я не стану убирать их с твоего пути. А вдруг без них ты не сможешь прийти к тому миру и покою в душе, к которому пришла я. Через тернии к Жизни!

Я. Твоя Ты. Через полвека.

Светлана РАЗМЫСЛОВИЧ

ДЕВОЧКЕ С КОСИЧКОЙ

Смахни слезу, не плачь, а пой,
Цвети в своём кокетстве.
Всё знаю. Я была тобой
В своём далеком детстве.
Вот так стояла у окна,
Грустя и правя косу,
Мечтала – придет с полотна
Мой принц светловолосый.
Какой же, в сущности, пустяк,
И мелочность какая –
Вдруг перепутать сон и мрак,
На горло наступая
Своей мечте. Но слыша толк
В словах, строках и ритмах,
Нести сквозь вихри разных зол
Литые алгоритмы.
И верить – время – лишь предлог.
Сквозь трудности и свитки
Не будет шанса на подлог,
Как и второй попытки
Найти себя и обрести
В миру своё пространство.
И хоть одним из десяти –
Но стать непостоянством.
Я знаю птиц немой полёт
И времени оковы.

Я вижу желтизны налёт
В записках дневниковых.
Уж стал седым сосновый бор
Там, где звенела роща.
И помельчал огромный двор,
И холодом полощут
Дожди забытую качель,
Скрипя застывшей осью.
В небах нависшая метель
Грозит мне белой тростью.
Но лишь опомнюсь-оглянусь,
И снова бледным светом
В оконце старом покажусь
Сама себе приветом.
Я упаду лишь там, где ты
В разлуку станешь верить.
Не рассуждай до хрипоты
О странностях материй,
Не береги того, что здесь
Запомнить не сумею.
Ты мне во всём – благая весть,
Не убояться с нею
Ни дальних вех и ни долей,
Ни капель на ресничках,
Когда привидится во мгле
Мне девочка с косичкой...

Виолетта МИНИНА

ДОРОГАЯ ВИЛЯ…

Так обычно начинают все неофициальные письма. Но я пишу это не из формальностей, а потому что для меня ты действительно самый дорогой человек на свете. Понять это сразу было сложно, для этого потребовались годы. В твоём возрасте я считала зазорным любить себя. Правильно было любить Родину, маму, друзей, природу… Но себя – считалось верхом эгоизма и порока. Какое счастье, что теперь я этому научилась и не стесняюсь. Потому что если внутри тебя нет любви к себе – кто же тебя полюбит? Шучу. Конечно же, я очень люблю свою семью, Родину, друзей, путешествия, театр, книги… ВЕСЬ МИР! И очень надеюсь, что это взаимно. Но в этом списке **Я** теперь далеко не последний человек. Поэтому мне очень важно, что **Я** чувствую, во что верю, чего хочу. Это помогает идти той дорогой, которая именно **МОЯ**. Потому что никто лучше меня не знает, что нужно **МНЕ**. А договариваться с самой собой – великое дело, поверь. Не всегда получается сразу, но я стараюсь. И это большой труд и радость.

А ещё знай: никогда не отказывайся от счастливых случаев и подарков судьбы. Если будешь воротить нос (пусть даже из скромности), **МИР** перестанет тебе их подносить: решит, что тебе это ненужно. Умей быть чуткой и благодарной. Старайся не обижать людей и не обижайся сама. Это разрушает. Но всегда умей за себя постоять. Учись слушать и слышать. И обо всём договаривайся «на берегу»!

Самое главное (это то, с чем мне до сих пор приходится разбираться) – не бойся чужих мнений. Все они субъективны. Верь себе, но прислушивайся к тем, кто тебе действительно желает добра. Думаю, если ты научишься этому раньше, тебе не придётся так мучительно проходить в жизни многие этапы, как это случилось у меня. Принимай критику как возможность что-то увидеть по-новому, а не как трагедию. А порой просто благодари и оставайся при своём мнении. Умей прощать и отпускать. Это лечит! И иди дальше. Никогда не останавливайся. Разве, чтобы услышать тишину и то, что происходит у тебя в душе и теле.

Не бойся остаться одна. Твоё от тебя не уйдёт, а за чужое нет смысла держаться. Одиночество – оно внутри. Когда внутри тебя «миры» – ты полон.

Всегда завершай начатое или отказывайся. Не копи хвостов, они тянут.

Экспериментируй! Учись – всегда, везде, всему. Никогда не знаешь, что поведёт тебя к новым горизонтам. Мозг и душа должны работать! Как только это прекратится, твоя жизнь начнёт угасать. Потому что любопытный человек – всегда живой! Ребёнок, живущий внутри, не даст ему закиснуть. И не бойся быть шумной, яркой, непосредственной. Ты – такая, как есть. Потому что **ТЫ** – это **ТЫ**! И таких больше нет.

Я тебя люблю. Ты хорошая.

Твоя взрослая, но такая же юная Виолетта

Ирина САПИР

ЗВОНОК В ДЕТСТВО

Да, это я. Зачем звоню? Не знаю.
Так странно: голос мой, но только звонче.
Конечно, изменилась. Я – другая.
И мир другой! А тот – разорван в клочья.

Нет, все не плохо, просто все иначе,
чем ты себе придумала, чудачка.
Да, будут и победы, и удачи.
Но штиль не вечен, будут шторм и качка.

Уже рифмуешь? Часто? Даже слишком?..
Пиши, но только будь с собой построже.
Нет, это не стихи пока, малышка.
Твои стихи напишутся чуть позже.

Опять весь день бродила по Фонтану?
Уже тайком подкрасила ресницы...
Нет, что ты – поучать тебя не стану,
Самой еще мне многому учиться.

Ах, мне бы хоть на миг лицом прижаться
к той сливе у зеленого забора!
Тебе сейчас 14? 15?
Все будет, детка, будет очень скоро.

Родишь, конечно! Будут сын и дочка.
Нет, будешь жить не здесь – вдали отсюда.
Там зной, налево справа пишут строчки,
и снега нет! Друзья? Конечно, будут!

Подробно рассказать? Нет, нет, не нужно.
Ты все сама узнаешь постепенно.
Подправить что-то? Девочка, послушай,
пусть будет все, как было, без подмены,

от звона предрассветного трамвая
до розы, что в ладонь шипом вкололась.
Зачем тогда звоню? Сама не знаю.
Быть может, просто твой услышать голос...

В качестве послесловия

Практически каждый из нас желает быть здоровым, подольше оставаться молодым и энергичным, жить интересно и с радостью. При этом мы знаем, что исполнение подобных желаний не зависит от уровня нашего дохода, не зависит оно и от других людей, а только лишь от нас самих! Но все равно почему-то, как не стараемся, мы не можем достичь гармонии и изменить свою жизнь. Тогда мы успокаиваем себя, говоря о несовершенстве мира, и перестаем даже пытаться что-то менять. Но изменить мир не так уж и сложно, для этого достаточно изменить себя, а умение меняться заложено в нас природой, ведь ежесекундно наше тело обновляется, старые клетки отмирают, их заменяют новые, мы меняемся, даже не прилагая к тому усилий!

Ведь и сейчас, в этот самый момент, когда вы читаете нашу книгу, вы одновременно с тем накапливаете информацию, сопоставляете ее с собой и собственным мироощущением. А значит, что уже меняется не только тело, но и ваш разум, и ваша душа. В понимании того, что вся человеческая жизнь – это по-

стоянный процесс трансформации, кроется возможность изменения мира. Трансформация – это то, что каждый из нас вправе направлять по собственному усмотрению. И если только мы захотим измениться сами и изменить свою жизнь, то Вселенная нам в этом безусловно поможет.

Пробуждение тяги к знаниям и всего того, о чем мы говорили на этих страницах, ознаменует не иначе как начало новой жизни, в которой самое меньшее, на что вы можете надеяться, будет раскрытие вашего духовного потенциала. Да, новый путь не преподнесет вам готовых решений и не усыплет путь розами, но он даст вам намного больше: умение решать любые вопросы так, чтобы улучшалась и ваша жизнь, и жизнь ваших близких. Не торопитесь захлопнуть книгу и положить на полку – возвращайтесь к ней время от времени, и вы обязательно найдете в ней для себя что-то новое и полезное.

Содержание

Введение в книгу 4
Татьяна КАЙЗЕР: История одного преображения 7
От редактора: Невозможно преобразить жизнь за один день! 14
Илья ЛИРУЖ: И только слово убегает тленья 17
От редактора: Как стать добрее 25
Роман КАМБУРГ: Сын рейхсфюрера ЭС-ЭС 29
От редактора: Женщина 33
Валентина БЕНДЕРСКАЯ: Стихотворения 35
От редактора: Мужчина 51
Леонид КОЛГАНОВ: Стихотворения 53
От редактора: Ребенок 73
Анна ГАЯТРИ: Рассказы 75
Ханох ДАШЕВСКИЙ: Еврейская сага (отрывки из романа) 96
От редактора: В чем смысл жизни?.. 115
Ирина САПИР: Стихотворения 117
От редактора: Что же мы такое? 127
Карина МУЛЯР: Дежавю 129
От редактора: Письмо в прошлое 132
Максим САФИУЛИН: Разговор с детством 134
Ольга ФОКИНА: Девочка 136
Надежда ВОЛЫНКИНА: Здравствуй, моя дорогая девочка! 138
Светлана РАЗМЫСЛОВИЧ: Девочке с косичкой 140
Виолетта МИНИНА: Дорогая Виля… 142
Ирина САПИР: Звонок в детство 144
В качестве послесловия 146

Преображение

Литературный альманах современных авторов

Выпущено Международной гильдией писателей
по итогам Питчинга в Израиле-2019 г.

Verlag «STELLA»
Bundesstr. 52
72379 Hechingen
Deutschland
www.stella-verlag.com
Tel. +49 (0) 174 38 403 06
E-mail: tst1968@gmx.de
ISBN 978-3-95772-204-1